

ПРОГРЕССОР КАМЕННОГО ВЕКА

АЛЕКСАНДР АБЕРДИН
ПРОВАЛИВШИЙСЯ
В ПРОШЛОЕ

Прогрессор каменного века

Александр Абердин

Провалившийся в прошлое

«Центрполиграф»

2011

Абердин А. М.

Провалившийся в прошлое / А. М. Абердин —
«Центрполиграф», 2011 — (Прогрессор каменного века)

Молодой парень Дмитрий Мельников, получивший университетское образование и призванный в армию, вскоре после отправки «в командировку» в Сомали на борьбу с пиратами был комиссован. Чтобы прийти в себя, он решает стать егерем и уехать на несколько лет в горы на самый дальний кордон. Но каким-то необъяснимым образом вместе со своим псом Крафтом и автомобилем ГАЗ-66 попадает в невообразимо далекое прошлое – в каменный век. Предполагая, что это случилось с ним неспроста, Митяй решает создать в каменном веке очаг современной цивилизации. Парень он работающий, с ним армейский вездеход, битком набитый всяким добром, а раз так, то почему бы ему не научить древних обитателей Кавказа всему тому, что он знает? Почему бы не стать в каменном веке профессором? Но во время первой же встречи с охотниками на мамонтов Митяй узнаёт, что те владеют такими сакральными знаниями, перед которыми меркнет современная ему наука. Поняв, что жизнь древних охотников не была такой уж тяжелой и безрадостной, герой первой книги романа «Прогрессор каменного века» все же становится учителем древних людей, среди которых, оказывается, немало ведлов – людей с паранормальными способностями, утерянными человеком в процессе развития общества и вытесненными наукой. Самое главное, что уяснил для себя Митяй, так это то, что может быть совершенно иной путь развития человечества.

© Абердин А. М., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Абердин

Провалившийся в прошлое

Глава 1

Вот это проехал по мостику...

Митька, а может быть, ну его к чёрту, этот твой дальний кордон? – Голос отца был такой тоскливый, что Дмитрий невольно опустил глаза и горестно вздохнул, а тот снова принялся с жаром уговаривать сына: – Посуди сам, Митька, какой ты к чертям собачьим псих? Это скорее те лекари, которые тебя так обозвали, психи. Эх, не видели они настоящих психов. Посмотрели бы, идиоты, на братьев-молдаван из пятой бригады, вот те психи так психи. Форменные. А ты? Ну какой из тебя псих, Митька? Подумаешь, перестрелял из пулемёта кучу бандюков. Так то же засада была! Ты этим чёртовым ооновским долдонам жизнь спас, а их доктора тебя в психи записали.

– Батя, не начинай, – ещё раз вздохнув, сказал Дмитрий. – Да, засада, да, я перестрелял не каких-то там гололопых беженцев, а самых что ни на есть оголтелых пиратов, ну так что с того? Понимаешь, батя, я же по ним ещё метров с восьмисот начал садить из «корда». Ладно бы со мной такое случилось в первый раз, но ведь у меня снова «очко сыграло», ещё тогда, когда никому и в голову не пришло, что впереди может оказаться засада. Да и замаскировались черномазые в буше знатно. Фиг увидишь, пока нос к носу не столкнёшься. Вот командование и решило меня отправить в Могاديшо, в госпиталь на обследование, а я возьми и учини там бучу, и снова со стрельбой. Меня как бес в бок толкнул перевернуть ту повозку с бананами, а под ними целый центнер пластика лежал. Но знаешь, даже не это главное, а то, что я бабе башку камнем проломил, а второго террориста пристрелил из её пистолета, чтобы чего не вышло. Хотя и мог арестовать, ведь пульт у бабы был, а не у него. В общем, перестарался я тогда.

Отец печально вздохнул и зло воскликнул:

– Вот ведь суки злобные! Нет чтобы тебя к герою представить, они тебя взяли и обвинили в этой... излишней жестокости. Ну разве не твари они после этого?

Дмитрий хлопнул отца по плечу и сказал:

– Батя, хрен с ним, с геройством. Главное – я жив и выбрался из этой чёртовой Африки, хотя меня и комиссовали с совершенно идиотской формулировкой. Контузию приплели, но ведь деньги они мне выплатили. Причём как за саму командировку, так и за мои мытарства в психушке. Правда, кое в чём я с этими коновалами всё же согласен. Ну не может быть у нормального человека такого звериного чутья на опасность. Не может. Ладно бы я был каким-нибудь опытным спецназовцем, головорезом со стажем, а то ведь смех один, лейтенант Ботаник. Меня и отобрали-то в русский отряд только потому, что я по-английски и по-французски свободно разговариваю. Нет, всё же с моей головой точно что-то не так, батя, а потому я согласен с профессором Сычёвым, мне действительно надо пожить несколько лет в одиночестве, на природе. Так что извини, батя, я всё же поеду егерем на кордон. К тому же я ведь почти зоолог и с детства мечтал работать в заповеднике, изучать животных. Егерь, конечно, это тебе не эколог, но и то хорошо. Если бы у нас не было военной кафедры, то фиг бы я в армию загремел на два года. Отслужил бы год и в Краснодар вернулся. И в Сомали меня никогда бы не направили, но раз так всё случилось, то и нехрен об этом горевать.

Отец и сын сидели на скамейке у подъезда панельной пятиэтажки, стоявшей на улице Коммунистической в городе Апшеронске. Дмитрий Мельников родился и вырос в этом городе и из него уехал в Краснодар, чтобы поступить в университет, на биологический факультет,

на экологическое отделение. Учился он ни шатко ни валко, в общем, ровно и, хотя круглым отличником не был, практически все предметы знал назубок. После окончания университета он получил лестное предложение из краевой администрации, но, прежде чем стать научным сотрудником краевой экологической службы, ему пришлось отправиться на два года в армию, и попал он не куда-то, а в элитную дивизию, командиром взвода. Через год командование предложило ему отправиться в командировку в Сомали сроком на два года. Сомалийские пираты так осточертели всему миру, что Совет Безопасности ООН сколотил интернациональную бригаду и направил её в Могадишо, ну а Дмитрию такое предложение сделали по двум причинам: во-первых, он хорошо знал английский, а во-вторых, изучал в числе прочей живности ещё и змей, которых командир русского батальона почему-то боялся как огня.

Так лейтенант Мельников, по прозвищу Ботаник, загремел в Африку и почти два года вместе со всеми гонялся за сомалийскими пиратскими бандформированиями, а те оказались отнюдь не так просты, как это всем казалось, и воевать там пришлось всерьёз. В батальоне с первой же недели сослуживцы стали считать Ботаника полным психом и чуть ли не конченным отморозком из-за того, что он никогда не расставался с автоматом, а когда рота куда-нибудь выдвигалась, всегда сидел на броне возле «корда» и начинал палить по всему, что шевелится, при малейших признаках опасности, оправдывая это тем, что у него «очко сыграло». Правда, все отдавали ему должное в том, что «очко» у него всегда «играло» только по делу. Американцы даже дали ему прозвище Крейзи Шутер, но сами вели себя точно так же и открывали огонь без предупреждения по всему, что шевелится в чахлах, пыльных кустах буша. Но никого из них не объявили за это психом, а вот в отношении лейтенанта Мельникова вердикт врачей оказался на диво единодушным – острое расстройство психики и неумение контролировать себя в опасной ситуации, а это, что ни говори, диагноз.

Однако в Москве, в институте Сербского, с таким диагнозом не согласились, и профессор Сычёв в конечном итоге написал просто и ясно – контузия, и, поскольку лейтенант Мельников оттрубил в армии даже больше двух лет, его спокойно отправили в запас, но перед тем дали отдохнуть два месяца в подмосковном санатории. Тем не менее профессор Сычёв порекомендовал ему всё же пожить хотя бы пару годков на каком-нибудь дальнем кордоне на природе, вдали от городского шума. Так, на всякий случай. Отец Дмитрия, работавший главным инженером в строительной компании, сгоряча подсуетился и договорился с частным охотхозяйством в Апшеронском районе об этом самом отдалённом кордоне. Он действительно находился аж у чёрта на куличках – в верховьях речки Пшехахи, куда просто так хрен доберёшься. Да и какой это к чёрту был кордон, так, избушка на курьих ножках, в которой уже лет пять никто не жил. Зато на несколько десятков километров окрест, кроме медведей, оленей и туров, там не встретишь ни единой живой души. Немного подумав и решив, что в горах он сможет заняться ещё и самообразованием, Дмитрий согласился, оформился на работу в охотхозяйство егерем, пообещав отпахать на кордоне Дальний четыре года, и принялся энергично готовиться к переезду в горы. Вот тогда-то Олег Максимович и понял, что погорячился со своей помощью сыну.

Он немедленно принялся отговаривать Дмитрия, даже договорился, чтобы его взяли на работу в строительную компанию в службу безопасности, но было поздно. Молодой человек принял решение и менять его уже не хотел. Более того, он даже купил себе пусть и довольно старый, тысяча девятьсот девяносто девятого года выпуска, но ещё очень даже бодрый, совершенно не убитый армейский вездеход ГАЗ-66-40. Машина ему досталась со смешным пробегом в сорок три тысячи километров, да ещё с турбодизелем, системой самоподкачивания колёс, лебёдкой самовытаскивания, а также запасным комплектом новой импортной резины, хотя и на старой ещё ездить и ездить. У «Шишиги» вместо военного кунга имелась роскошная, увеличенная на метр с четвертью в длину и на сорок сантиметров в ширину металлическая будка-кубрик. На этой машине с усиленной ходовой частью (прежний хозяин в технике разби-

рался на редкость хорошо) Митяй – так Дмитрия звали друзья детства и однокурсники – мог заехать на любую гору, но купил он её ещё и потому, что несостоявшийся пчеловод отдавал в придачу запасной двигатель и кучу запчастей к ней. А чтобы заправиться, достаточно доехать до ближайшей горной дороги, по которой круглый год ездят лесовозы, и либо купить у них солярки, либо выменять её на мясо, что выглядело намного реалистичнее. Поест свежего мяса всем хочется.

Помимо «Шишиги» Митяй брал с собой в горы ещё и старый, неубиваемый и неумирающий дедовский мотоцикл Иж-49, с ремонта которого началась его любовь к мотои автотехнике. Хотя мотоцикл, для которого он не поленился купить целых три комплекта мощной горной резины, и был суперстар, у него имелось три важных достоинства: он мог ездить, но самое главное, Митяй мог отремонтировать его с завязанными глазами с помощью молотка и зубила, да и запчастей к нему в гараже нашлось столько, что можно второй собрать, не говоря уже о том, что некоторые он мог и сам изготовить, но всё же кое-что прикупил на всякий случай, включая второй движок. В горы он ехал надолго, жить там собирался с комфортом и не один, а с подругой, после того как отстроится. На «Шишиге» Митяй мог увезти с собой хоть чёрта с рогами и потому решил взять с собой из отцовского гаража небольшие настольные станки. Ещё он прикупил два самых простых, но надёжных и мощных, способных работать на русской соляре японских дизель-генератора, один из которых был оснащён электросварочным трансформатором. Для своей подруги, чтобы та не скучала зимой, он забрал у бабушки старинную, вечную швейную машинку «Зингер» с электроприводом. Делал он так исходя только из одного – если уж залезать в горы, то так, чтобы не спускаться вниз за каждым гвоздём, а всякие мелочи ему и друзья подвезут. Тем более что из желающих поохотиться в горах уже очередь образовалась.

На первый взгляд государственному, а на самом деле взятому в аренду и потому частному и зажиточному охотхозяйству, а точнее, его хозяину для самого отдалённого кордона требовался отнюдь не простой егерь. Это должен быть русский, молодой, физически сильный и умеющий постоять за себя парень, способный отвадить браконьеров, взявших моду охотиться на медведей, кабанов и оленей, не платя за это в кассу ни гроша. Митяй подходил по всем статьям. Ну а поскольку он закупил для обустройства в горах немало нужных вещей, то и директор охотхозяйства и его единоличный владелец Ашот Варганович Маркарян также счёл необходимым как следует экипировать своего нового егеря. Первым делом он вооружил его ничуть не хуже сомалийского пирата, после чего отвёл на склад и разрешил взять из него всё, что может понадобиться, сказав, что строевого леса он и там напилит сколько угодно. Митяй, пока учился в университете, каждое лето подрабатывал на лесозаготовке и потому умел держать в руках бензопилу, хотя и отвык от неё в Африке, и считал это дело плёвым. Он никогда не чурался работы, даже самой тяжелой, а потому ехал на кордон смело, ничего не боясь.

Целых три недели Митяй не спеша, с чувством, с толком, с расстановкой загружал в будку всякую всячину, преимущественно инструмент и те строительные материалы, которых в горах взять будет негде. Большое охотхозяйство приносило господину Маркаряну хорошую прибыль, и он не жалел денег на обустройство кордонов. Поэтому Митяй, помимо запчастей для мотоцикла и вездехода, прихватил три бочки хозяйской соляры, две бочки бензина и бочку моторного масла. В общем, склад Ашота Варгановича он пограбил по полной программе, но тот не возражал. На кордоне, который прозвали необитаемым островом, до которого доходили только самые настырные браконьеры, давно уже нужно было сделать капитальный ремонт. Одновременно Митяй, получивший крупную сумму командировочных за Африку, прикупил себе новенький ноутбук «Тошиба» с семнадцатидюймовым экраном, кое-что из цифровой техники, но самое главное, накупил множество дисков с самыми разными электронными энциклопедиями, кучу электронных и просто оцифрованных учебников, да ещё и хорошо качнул

всяческую научную информацию с компов старых друзей и бывших однокурсников. Четыре года – большой срок, за это время в горах можно что-то и изучить.

«Груз знаний», хотя и был очень велик, всё же не выглядел неподъёмным. Зато завскладом и кладовщик гадали и даже бились об заклад, развалится древний армейский вездеход или нет, будучи забитым по самое некуда всяческим добром, вплоть до стального, бронзового и латунного кругляка. Однако они даже и не предполагали, насколько прежний хозяин машины усилил ходовую вездехода, и потому «Шишига» увезла на себе со склада добрых шесть тонн груза не просто играючи, а радостно урча, как и её молодой, да ранний и зело запасливый хозяин-куркуль.

Всю ночь нагруженная машина простояла под домом. Рано утром Митяй позавтракал с родными и попрощался с матерью. Ей он клятвенно пообещал, что не станет лениться, а будет минимум два раза в неделю спускаться вниз, к посёлку Отдалённому, где со склона горы Сахарная Голова мог спокойно звонить по сотовому телефону. Он поцеловал мать, взял корзину с пирогами и прочей домашней снедью, которую та собрала ему в дорогу, и вместе с отцом и своим новым другом, громадным кобелём по кличке Крафт, чистокровной кавказской овчаркой зонарного окраса, вышел из квартиры. Во двор они спустились, когда ещё только чуть светало. В принципе по прямой ехать было недалеко, всего каких-то шестьдесят километров, но дорога петляла так, что удлинялась до добрых двухсот, и ещё нужно было умудриться не заблудиться на ней. Как раз этого Митяй не боялся. Ашот Варганович, которому было лень искать нужные карты, поступил очень просто – дал ему толстую пачку генштабовских карт всего Северного Кавказа, и новоиспечённый егерь ещё с вечера нашёл и положил сверху все необходимые.

Посидев на лавочке вместе с отцом ещё несколько минут, он решительно встал и направился к машине. Молодой пёс, которого Митяй купил месяц назад у своего старого приятеля, как только он открыл тому дверцу, тут же запрыгнул в машину и с важным видом уселся на сиденье. Лохматый здоровенный кобель был большим любителем прокатиться на машине. Хозяин бережно поправил хвост пса, чтобы не прищемить, захлопнул дверцу и обошёл машину. Отец стоял у водительской дверцы с корзиной в руках и горестно вздыхал. Митяй открыл дверцу, забрал у отца корзину и поставил её в кабину. Он широко и ободряюще улыбнулся, обнял отца, а тот, хлопая его сильными мозолистыми руками по спине, ещё раз вздохнул и уже бодрым голосом сказал:

– Ладно, Митька, поезжай. Жди меня через неделю, приеду к тебе в отпуск со всей бригадой. Цемент привезу, отделочных материалов, мебель с дачи. В общем, сладим тебе новый кордон.

Митяй улыбнулся и ответил:

– Вовку с матерью тоже привози, а то он даже не проснулся, чтобы попрощаться. Там, батя, красиво. Лучше, чем на море. Поохотимся на туров, а то и оленя подстрелим.

Вчерашний лейтенант Ботаник забрался в машину, завёл двигатель, прогрел его пару минут – привык беречь технику, – широко улыбнулся отцу и отправился в дорогу, в сторону Новых Полян. Митяй не спеша пересёк город и поехал вдоль реки Пшехи. Заканчивался июнь. Снег в горах уже месяц с гаком как растаял, а потому Пшеха, которая в этом году не особо разливалась, вела себя мирно и тихо. Он даже увидел на берегу нескольких рыбаков. В Пшехе водились знатные усачи, а выше по течению можно было поймать и форель. Через несколько минут впереди показался мостик через речку Гольшку. Впрочем, даже не речку, а скорее ручей, имевший обыкновение в середине лета почти пересыхать, что и немудрено, ведь она начиналась совсем неподалёку, возле Нефтегорска, и в неё впадала лишь пара-тройка таких же полудохлых ручейков. Оттого и мостик через Гольшку был таким же неприметным, как и сама речка, и если бы не указатель, то никто её и не заметил бы. Митяй отъехал от дома без десяти пять, а потому ещё не встретил на дороге ни одной машины.

В тот момент, когда вездеход уже въезжал на мостик, он увидел перед собой яркую изумрудно-зелёную вспышку и рефлекторно нажал на педаль тормоза. Однако это не помогло. Тяжело нагруженная машина по инерции с ходу въехала на мостик и угодила в яркое изумрудное сияние, всосавшее её с неприятным, громким, хлопающим и каким-то металлическим звуком. В тот же момент Митяй понял, что дорога под колёсами вездехода исчезла, и «Шишига» полетела камнем вниз. Это он почувствовал интуитивно, но уже в следующее мгновение, подлетев, словно на трамплине, вездеход с изрядным грохотом опустился на все четыре колеса. Изумрудное сияние исчезло, и Митяй увидел перед собой сначала тучу брызг, а вслед за этим довольно широкую, но не глубокую реку и крутой обрыв берега впереди, метрах в пятидесяти. Впрочем, машина, всё ещё двигаясь вперёд, въезжала в пологое углубление, и Митяй, даже не глянув в зеркала заднего вида, моментально дал задний ход и нажал на педаль газа. Только после того, как вездеход стал быстро сдавать назад, он с облегчением увидел, что слетел с моста чуть ли не в пятнадцать метрах от берега невероятно раздавленной вширь Гольшки и сзади берег был пологим. Дно реки, покрытое не слишком крупной галькой, прекрасно держало машину, колёса не вязли, и он без особых затруднений выехал из реки на берег, поросший высокой травой, и уже было остановился...

В следующее мгновение Митяй увидел в зеркало заднего вида нечто такое, от чего завопил от ужаса. Справа от машины, метрах в семидесяти, на всех своих четырёх ногах подпрыгнул в воздух от испуга громадный носорог, до безобразия здоровенный, да не простой, а шерстистый и явно рассерженный тем, что ему не дали спокойно подойти к реке и напиться воды. Поэтому, не переставая вопить во весь голос, чем заставил Крафта сначала зарычать, а затем истошно залаять, Митяй только прибавил газу. Носорог, услышав басовитый и азартный лай кавказца, издал громкий, хрюкающе-шипящий звук и с места припустил таким галопом, что и на гоночной машине фиг догонишь. Гоняться за такой зловредной бестией у Митяя и в мыслях не было, а потому он, проехав по высокой траве метров двадцать, остановил машину и истерично захохотал. Окно с его стороны было открыто, и Крафт сунулся было к нему, чуть не опрокинув корзину, но тут же получил от хозяина кулаком по лбу. Предупредив охотничий порыв пса, Митяй громким, но подрагивающим голосом, с перепугу его зубы чуть ли не выстукивали танец с саблями, сказал:

– Крафт, не советую. Это тебе не волкам хвосты отгрызать. С таким зверем не всякий тигр совладеет. – В ту же минуту он понял, что с ним произошло нечто ужасное, и воскликнул: – Ё-мое, куда же это нас с тобой занесло, Крафтуля? Это что же такое получается?

Крафт, поставив передние лапы на толстое стёганое ватное одеяло, укрывающее крышку двигателя, посмотрел на Митяя умными глазами и наклонил голову, а лейтенант-эколог стал втолковывать псу:

– Шерстистые носороги, Крафт, вымерли где-то десять, может быть, пятнадцать или даже двадцать тысяч лет назад, когда закончился ледниковый период. Если так, то мы с тобой провалились в прошлое и хрен теперь попадём на свой кордон. Мы больше вообще никуда не попадём, Крафтуля, поскольку уже попали в такую задницу, что хоть бери и стреляйся к чёртовой матери.

Пёс жалобно заскулил и стал переминаться с лапы на лапу, и Митяй, грустно улыбнувшись косматому другу, спросил:– Что, считаешь, не стоит стреляться, Крафт? Нам ведь обоим ещё даже тридцатника не стукнуло, и вся жизнь впереди! А ты хоть представляешь себе, какая нас теперь ждёт жизнь, если мы действительно провалились в такое далёкое прошлое, что в нём шерстистые носороги водятся? Это, дружище, каменный век. В гробу я такую жизнь видел в белых тапочках, Крафтуля.

Пёс, словно поняв смысл сказанного, тихонько заскулил, а Митяю тотчас пришла в голову умная мысль.

– Нет, это, наверное, просто чьи-то дурацкие шуточки. Блин! Точно! Это всякая учёная сволочь испытывает на нас какой-нибудь гипноизлучатель, и мы с тобой сейчас просто сидим в машине, как мумии, а она стоит себе тихо и мирно на обочине. Ладно, Крафтуля, раз так, то давай не станем суетиться и спокойно покемарим. Тем более что я действительно не прочь вздремнуть.

Так Митяй и сделал. Даже толком не оглядевшись, он выкурил сигарету, слегка опустил стекло со стороны Крафта, приподнял стекло со своей, поёрзал в кресле, устраиваясь поудобнее, и попросту заставил себя сначала задремать, а потом и вовсе уснуть. Проспал он часов шесть, не меньше, и проснулся оттого, что, во-первых, в кабине стало слишком жарко, а во-вторых, пёс начал скулить. Ему требовалось справиться свои собачьи дела. Митяй открыл глаза, вздохнул и огляделся. Время близилось к полудню, солнце припекало не на шутку, но, несмотря ни на что, никто даже и не собирался выключать тот чёртов гипноизлучатель, который заставлял его видеть радикально изменившийся пейзаж, а он, признаться, поражал воображение. Прямо перед «Шишигой», за рекой Голышкой, до безобразия широкой, много шире, чем Пшеха в родном настоящем, стеной стоял высоченный лиственный лес. Слева до Митяя доносился отчётливый, громкий шум реки. В паре сотен метров Голышка, как и положено, впадала в Пшеху, а вот та своей полноводностью ничем не уступала Кубани в среднем течении, хоть корабли по ней пускай.

За спиной Митяя – это он увидел через зеркало заднего вида – расстилалась холмистая степь не степь, nonchato вроде этого, с высокими кустами и деревьями, но самое ошеломляющее он увидел справа. Там тоже лежала лесостепь, и в ней километрах в двух паслись десятка полтора таких здоровенных мамонтов, что Митяй даже обомлел. Он достал из бардачка полевой бинокль и принялся рассматривать их. Эти косматые млекопитающие имели в высоту метров под шесть, и экологу снова сделалось до жути страшно, хотя мамонты вели себя миролюбиво. Они обламывали и ели ветки деревьев. Кажется, это были дубы немалого размера. Выше по течению Голышки Митяй увидел гигантского оленя, пришедшего на водопой, и сразу же узнал в нём *Megaloceros giganteus* – большерогого оленя, животное также вымершее не менее семи тысяч лет назад, современника страшных махайродов – огромных саблезубых кошек. Вспомнив о них, егерь громко цыкнул на начавшего громко подвывать, а не просто поскуливать Крафта:

– Цыть, дубовая голова! Дай мне сначала добраться до оружия. Только после этого я тебя выпущу.

Пёс, явно поняв, что сказал ему хозяин, успокоился, широко зевнул и, вывалив длинный язык, шумно и часто задыхался. Хотя Митяй и вычёсывал пса каждые три дня, тому было жарко в роскошной тёплой шубе с длинной бурой шерстью. Ну а сам он, открыв дверцу, спрыгнул на траву и, быстро оббежав машину, метнулся к боковой двери высокой металлической будки. Сзади в будке стояли три бочки с солярой и две с бензином, а на них мотоцикл без колёс. С правой стороны машины, сразу за дверью, в передней части будки располагался железный шкаф с оружием и боеприпасами. На нём возвышалась большая клетка с голубым волнистым попугайчиком Гошей, также изнывавшим от жары, ещё одним его спутником, которого он взял с собой на кордон. Митяй открыл переднее окошко в будке пошире, чтобы попугайчик не так маялся от жары, и достал из шкафа длинноствольный помповый «ремингтон» двенадцатого калибра и патронташ, уже снаряженный патронами с турбинными пулями со стальным сердечником. Пожалуй, такой пулей он смог бы завалить и мамонта, хотя лучше бы ему иметь слонобой шестого, а ещё лучше четвёртого калибра. Однако у него и так был ствол помощнее – новенький охотничий карабин «Тигр-9» с оптическим прицелом, а к нему до чёрта и более патронов, хоть траппером становись.

Быстро нацепив патронташ, Митяй открыл Крафту дверь и взлетел на крышу будки. Пёс, утробно ухнув, спрыгнул на траву и первым делом обильно оросил колесо «Шишиги», после

чего, весело помахивая хвостом, деловой походкой направился в заросли травы, вымахавшей выше его роста, но далеко убежать не стал. Митяй, стоя на будке, снова вооружился биноклем и принялся рассматривать окрестности. Он внимательно оглядел лесостепь и вскоре убедился, что в ней паслось много крупного доисторического и из-за этого страшного зверья. В том числе он увидел даже табун коренастых, невысоких, но мощных лошадей. Они оказались даже покрупнее монгольских лошадок, и это точно были не тарпаны, а именно дикие лошади, мало чем отличавшиеся по своему внешнему виду от лошадей кабардинской породы. Совсем рядом с табунном пасся громадный шерстистый носорог, и от одного этого Митяю сразу же сделалось так дурно, что его чуть не стошнило. Проглотив подступивший к горлу комок, Митяй горестно вздохнул и невольно подумал: «Если это не действие гипноизлучателя, то, значит, зелёная вспышка была разрывом в пространственно-временном континууме, и меня как минимум забросило в параллельную Вселенную, а это плохо. Очень плохо, ведь мне теперь отсюда никогда не выбраться».

Почему плохо, Митяй понял сразу же. На параллельной Земле Два могло ведь и не оказаться людей, даже неандертальцев, а стало быть, не видать ему тут женщин как собственных ушей, и своих потомков тоже. Впрочем, уже в следующую минуту он забыл о женщинах, поскольку повернулся лицом сначала на запад, где стеной стоял высоченный лес, а затем на юго-запад и даже вздрогнул, увидев там высоченный, длинный ледник, и подумал, шевеля мигом пересохшими губами: «Здец, я точно провалился вместе с Крафтом и Гошей в прошлое лет тысяч так на пятнадцать, а может быть, и все двадцать. Ледниковому периоду пришли кранты, но Большой Кавказский хребет, начиная где-то с Нагой-Чука, ещё накрыт мощным ледником. Судя по всему, толщиной километра в полтора или около того. Опаньки, приплыли».

Митяй, подумав о том, что в параллельной Вселенной – в путешествия во времени он не верил – может и не оказаться на Земле Два женщин, чуть не завыл от тоски. Однако ему почему-то сразу же припомнились лекции по краеведению, и ход его мыслей моментально изменился. Оглядывая окрестности, Митяй неожиданно для себя самого сказал сам себе же безапелляционным, жестким тоном:

– Нет, люди здесь точно есть. Скорее всего, они должны находиться не в горах, а в предгорьях и на равнине, где им есть на кого охотиться. Кроманьонцы точно такие же люди, как и я сам. Они владеют речью, и я смогу с ними разговаривать, а раз так, то договариваться и дружить. У них есть бабы, но нет приличного оружия и инструментов, следовательно, я смогу выменять себе молодую красотку. Думаю, что они шастают подальше от гор и этого леса. Восточнее, в междуречье Белой и Лабы. Да и здесь, в районе Апшеронска, которого я не наблюдаю, и дальше, в сторону Майкопа, они тоже должны обитать, но лучше мне с ними сейчас не встречаться. Они обязательно заразятся от меня целой кучей болезней, а зачем мне большая подруга? Поэтому мне нужно погодить маленько, минимум год побыть в карантине и сначала хорошенько обустроиться, если это всё не сон, и только потом искать людей. Думаю, что за год, если есть побольше чеснока и лука, мой организм очистится от всякой дряни. Экология здесь всем на зависть. Так что мне нужно сначала оглядеться, затем заняться планированием, а после этого приниматься за работу. Вкалывать придётся не на страх, а на совесть и без каких-либо выходных, но это не страшно, работы я никогда не боялся и много чего умею делать. Пока Митяй, размышляя столь рациональным образом и словно отдавая себе приказ, рассматривал ледник, у него снова «сыграло очко» и он резко обернулся. Примерно в километре от вездехода он увидел, что с наветренной стороны к ним подкрадывается, прячась в густой, высокой траве, какое-то зверьё, но не стал рисковать понапрасну, а сразу же вихрем слетел с крыши будки, забрался в кабину и громко крикнул:

– Крафт, ко мне! Быстро!

Пёс не заставил себя ждать, через несколько секунд с разбега запрыгнул в кабину и устоялся на хозяина внимательным, но вместе с тем лукавым взглядом. От этого доброго взгляда у лейтенанта запаса сразу же сделалось теплее на душе. Митяй захлопнул дверцу и, заводя мотор, объяснил своему четвероногому другу:

– Кажется, нами кто-то решил пообедать, Крафтуля. Делаем отсюда ноги, пока нам очень сильно не поплохело.

Неведомые охотники приближались к ним справа и сзади, но Митяй, как-то очень уж быстро смирившийся со своей незавидной участью, решил не штурмовать водную преграду, а поехать вверх по течению реки в направлении Нефтегорска, хотя тот ещё и не появился на карте. Его интересовали две вещи: в честь чего это Гольшка сделалась такой полноводной, а также есть ли в Нефтегорске автозаправочная станция. Разумеется, если он действительно провалился в палеолит, то ЛУКОЙЛ ещё не начал торговать бензином. Однако нефти здесь и в те времена хватало, а в некоторых местах она даже выходила по трещинам в горных породах на поверхность самотоком, вместе с водой. Во всяком случае, севернее от Нефтегорска, в Асфальтовой горе, он её точно найдёт, да и вокруг самого Нефтегорска на месте некоторых скважин когда-то били из земли родники с немалой примесью нефти, а стало быть, он сможет при желании собрать её, чтобы потом получить соляру для «Шишиги» и прямогонный бензин для «Ижа» и трёх халявных японских бензопил, специально заточенных под низкосортное российское гарево. Тогда лет двадцать, если не больше, ему точно будет на чём ездить и чем валить лес.

Митяй медленно поехал вдоль берега, внимательно всматриваясь в траву, и вскоре наткнулся на тех охотников, которые решили его схарчить. Ими оказалась стая махайродов, и он даже вздрогнул, увидев, какие эти кошки огромные. Крафт немедленно залаял, а те в ответ остервенело зарычали, но на машину бросаться не стали. Наверное, им не понравился её запах, и Митяй, прибавляя газу, насмешливым голосом сказал:

– Да, Крафт, это котики, но не те, за которыми ты привык гоняться. Эти тебя самого слопают за милую душу и костей не выплюнут, так что гавкать гавкай, но лучше держись от них подальше, если не хочешь сделать меня полным сиротой.

Вскоре Митяй ехал вдоль левого берега Гольшки и только диву давался – та текла, по всей видимости, в прежнем русле, так как ландшафт, судя по всему, мало изменился с тех далёких пор. По мере продвижения вперёд эколог подметил одну характерную особенность: если справа в реку впадали полноводные ручьи, то слева лишь хилые, жалкие ручейки, которые «Шишига» преодолевала играючи. Всё встало на своё место тогда, когда он доехал до места Нефтегорска и увидел, что на холмах будущего посёлка лежит и медленно тает громадная глыба льда высотой метров в четырёста. Она была накрыта сверху толстым слоем чего-то тёмного, скорее всего, вулканического пепла, поверх которого пышно зеленела растительность. Пепел наверняка сюда занесло во время извержения Эльбруса, после которого тот стал двуглавым, и вряд ли это был один-единственный осколок ледникового периода в предгорье Большого Кавказского хребта. Возле миниатюрного, но тем не менее всё равно громадного ледника было ощутимо холоднее, и потому трава рядом с ним росла хилая, низенькая. Тая, ледник питал собой ставшую невероятно полноводной Гольшку. Доехав почти до её истока, Митяй повернул направо, к речке Тухе, в его время славящейся на редкость обрывистыми берегами, которая, можно сказать, текла в самом настоящем микроканьоне.

Подъехав к Тухе, несостоявшийся егерь увидел полноводную реку, и когда поехал вдоль неё, то всего километров через пять нашел то, что искал, – маслянистую нефтяную плёнку, причём вдоль правого берега, по которому двигался. Митяй остановил машину и внимательно огляделся. Хотя трава здесь росла высокая, никакого опасного зверья он не обнаружил, что и понятно. Вряд ли животные приходили сюда на водопой. Он вышел из машины, подошел к берегу и принялся рассматривать нефтяную полосу шириной метров в шесть. Плёнка нефти

оказалась миллиметра в полтора толщиной, и глинистый берег от неё сделался чёрным. От речки уже метров за пятьдесят разлило нефтью, так что с открытым огнём к ней лучше не соваться. Хотя Митяй и нашёл то, что искал, настроение у него было поганое, и он во весь голос матом проклинал всё и вся на свете. Однако делать было нечего, и ему нужно было подумать, где встать лагерем.

Впрочем, думать особо не приходилось. Туха, как и Гольшка, впадала в Пшеху, а та, как он уже успел убедиться, оказалась на редкость полноводной рекой, и на своей «Шишиге» он её просто не переедет. Таким образом, Митяй оказался как бы заперт между тремя реками – Пшехой, Гольшкой и Тухой – на довольно большом пространстве. Подумав, он решил вернуться почти туда, откуда выехал, то есть в Апшеронск, и направился вдоль нефтеносной реки, хотя та и изрядно петляла. Тёмно-бурая нефтяная плёнка протянулась по извилистой реке километров на пятнадцать и делалась с каждым километром всё светлее и тоньше и до Пшехи не доходила километров трёх. Митяй сразу понял, что рыбу в Тухе ему лучше не ловить, да и вряд ли она в ней водится. Заодно он выяснил, что пригород родного Апшеронска и его окраина стоят в зарослях высокого смешанного леса. В нём он увидел не только дубы, но и громадные берёзы и сосны. Митяй доехал до места слияния двух рек, примерно начиная от улицы Тихой, там леса не было вовсе, как и не было запаха нефти, хоть бери и строй город, а затем поехал вдоль берега полноводной и бурной Пшехи. Вскоре, ещё засветло, он остановился на самом высоком месте, на пологом и широченном холме, поросшем одной только высокой травой. До воды там было добрых пятнадцать метров по вертикали, а берег спускался к реке, шумевшей в нескольких сотнях метров, довольно полого.

Как только Митяй выехал на это невысокое травянистое плато, плавно понижающееся к северо-востоку, и увидел, что за ним, на северо-западном склоне, со стороны Тухи, рядом, буквально в сотне шагов, растут высоченные сосны, то сразу же решил, что поселится именно здесь. Правда, в его сознании ещё не угасла надежда, что всё это лишь действие гипноизлучателя, скоро его выключат, и он поедет домой. Он даже подумал: «Всё, ну его к лешему, этот кордон! Как только эти уроды перестанут меня обрабатывать, еду к Вартанычу, разгружаюсь и домой. Денег он мне не заплатил ни копейки, всё его барахло лежит в будке в целости и сохранности, так что никаких претензий предъявлять не станет, а если и предъявит, то получит от меня в бубен, и на том всё закончится». С такой думкой он вышел из машины и выпустил прогуляться Крафта, строго велел находиться рядом. Хотя парень, у которого Митяй купил пса, ничему того не учил, Крафт являл собой образец собачьего послушания и понятливости. Достав из будки две полиэтиленовые сорокалитровые канистры, с помпарём за спиной он сходил к реке и набрал из неё на редкость чистой и вкусной воды.

После этого он насыпал Крафту полную миску сухого собачьего корма, и они принялись ужинать. Митяй – мамкиными пирогами, а кавказец – педигришным кормом. Ботаника поражала в первую очередь невиданная красота, чистота и невероятно яркая и пышная, словно на картинке, зелень этих до боли знакомых ему с детства мест. Правда, как эколога его бесило, что нефть шурует из-под земли прямо в Туху. Впрочем, запах её до холмане доходил. Хотя Митяй всё ещё надеялся, что завтра утром, с первыми же лучами солнца, наваждение развеется и он вздохнёт с облегчением, в глубине души уже понимал, что ничего подобного не произойдёт. Ну а если всё так и обстоит – он действительно провалился в прошлое, то нефть – это круто, особенно для него. Митяя даже заводило, что помимо надёжного армейского вездехода и неубиваемого мотоцикла у него имелось целых три профессиональных промысловых японских бензопилы, два небольших, но мощных японских генератора с дизельными двигателями и ещё фактически два двигателя в запасе, газоновский и ижевский. Да и вообще нефть как топливо гораздо предпочтительнее дров и даже угля, а при наличии слесарного инструмента, отличного настольного токарного и фрезерного станков он сможет изготовить много чего такого, что сделает его жизнь в каменном веке комфортной и безопасной.

Руки у Митяя росли не из задницы, да и скудоумием он не страдал. Наоборот, любил мастерить всякие поделки из чего ни попадя, хотя больше всего тяготел к работе с металлом и работы, даже самой тяжелой, не боялся. К труду его приучили дед с бабушкой, родители, дача с участком в сорок пять соток, а также его любимый учитель труда в школе, настоящий мужик, мастер на все руки. Митяй любил природу родного горного края, и она не являлась для него местом выживания. Наоборот, лет с четырнадцати он совершенно спокойно жил в этой самой природе и даже самостоятельно стал неплохим охотником. Росточком Бог его не обидел – метр восемьдесят шесть как-никак, – силушкой тоже, ну а то, что Митяй привык жить по принципу «Бей первым, Фредди», так это неплохо. Благодаря такой привычке он и сам остался в живых, пройдя Африку, да и многим своим солдатам, парням-контрактникам, которыми командовал, жизнь спас. В общем, он точно знал, что не пропадёт в этом чёртовом каменном веке, куда его, скорее всего, занесла нелёгкая, но тем не менее чуть ли не выл от тоски, то и дело шипел, как кот, цедил сквозь зубыматерные слова и, попадись кто сейчас под руку, точно убил бы.

Однако, несмотря на дикую злость и обиду, Митяй стал прикидывать, что ему делать завтра. Носиться по окрестностям на тяжелогружёной «Шишиге» в поисках первобытных людей будет полной глупостью. Какая бы она ни была прочная, всё равно и её можно запросто расколошматить. Поэтому самым правильным будет построить капитальное жильё, как он собирался сделать это на кордоне Дальнем, что в верховьях реки Пшехахи, за хребтом Нагой-Чук. На настоящий, капитальный дом из камня сил у него точно не хватит, хотя он и видел вдоль берега галечники. Поэтому придётся обойтись чем-нибудь попроще, вроде полуземлянки, но обязательно просторной, с большим складом и желательно капитальной, чтобы спокойно перезимовать в ней. Помимо этого нужно было сразу же начать думать над тем, как наладить гончарное производство. Так ему будет проще всего сварганить из больших керамических цилиндров самовар для перегонки нефти в прямогонный бензин и соляру, да и дом на следующий год лучше сложить из кирпича. Ещё ему следовало построить примитивную лесопилку и столлярную мастерскую, инструмент, слава богу, электрическая циркулярка и электрофуганок у него с собой имелись. В общем, работа предстояла большая, если он не хочет зимовать в будке «Шишиги». Как знать, может, зимы здесь сибирские, а не кавказские.

Понимая, что фронт работ очень велик, а у него всего две руки, Митяй сразу же стал прикидывать, какие средства малой механизации он сможет себе изготовить. Перекидывая на «Ижике» звёздочки и используя подручные материалы, а также то железо, что взял с собой, он мог кое-что соорудить. Ещё в детстве, бегая на Пшеху купаться, он часто находил на берегу тяжёлую коричневую гальку. Относительно неё дед Максим сказал, что это гематит, железная руда. Если гематит попадался ему в двадцать первом веке, то он никуда не делся и в каменном, а раз так, то ему нужно будет обязательно построить доменку и начать выплавлять железо. Инструкции насчёт того, как это сделать, он наверняка найдёт в большой коробке с DVD-дисками и внешними дисками памяти для «Тошибы». Да, там он найдёт для себя много чего полезного, как и на берегу реки Пшехи, ведь она мало того что текла издалека, так в неё ещё и впадали другие горные реки, Цица, Пшехаха, Хахопсе, и все они размывали на своём пути горы и несли вниз обломки самых разнообразных минералов, а не одни только гранит да базальт. Поэтому насчёт руд он мог особенно не беспокоиться, Кавказ на них богат – чего только не найдёшь на галечниках, если у тебя есть под рукой электронный справочник по минералам. Хоть это немного успокаивало Митяя, и он облегчённо вздохнул.

Впрочем, Митяй продолжал надеяться, что, скорее всего, это лишь сон, наведённый на него какими-то лихими ухарями от науки, и он сейчас тихо и мирно сидит в кабине «Шишиги» и дрыхнет, видя во сне всё даже лучше, чем иной раз наяву. Думая о том, что он всё же спит, Митяй наложил на оба сиденья всякого барахла, чтобы сделать импровизированную кровать, забрал из будки Гошу, загнал Крафта в машину, залез в кабину сам и лёг спать. Он прихватил с собой отличную палатку и даже мог до неё спокойно добраться, вот только спать снаружи,

зная, что по лесу шастают махайроды, пещерные львы и прочие доисторические хищники, ему не хотелось, несмотря на то что всё это лишь следствие воздействия на него гипноизлучателя. Более того, Митяй даже попытался мысленно представить, как выглядит эта штука-вина. Крафт, для которого он также устроил у себя в ногах удобное ложе, свернулся клубочком и вскоре уснул и даже стал тихонько похрапывать во сне. Вскоре уснул и Митяй, но ему, к полному возмущению, начала сниться какая-то ерунда про дурацкий гипноизлучатель и тех учёных из военного ведомства, которые его изобрели и решили испытать эту чёртову машину именно на нём, словно у них не нашлось для этого никаких добровольцев из числа зэков, отбывающих в тюрьме пожизненное заключение за куда большие злодеяния.

Глава 2

Да... попал в прошлое так попал...

Митяй всю ночь слышал, как в лесу кто-то злобно рычал, но не очень-то обращал на это внимание, хотя и просыпался пару раз от очень уж громкого рыканья. Крафт, видимо, глядя на него, тоже не спешил поддаваться на провокации местной хищной живности. Во всяком случае, близко к машине ни один зверь не подходил, а потому Митяю не пришлось брать в руки «ремингтон». Утром он проснулся от того, что в кабину «Шишиги» заглянуло солнце. Митяй приподнялся на локте, посмотрел на чистые голубые воды Пшехи и грязно выругался со всей страстью и нахлынувшими на него обидой, разочарованием, возмущением и гневом. Причём очень громко и витиевато. Крафт, прекрасно понимая, что все эти матерные слова к нему не относятся, на всякий случай накрыл морду лапой и лишь слегка прядал ушами, когда Митяй ругался особенно громко. Наконец хозяин открыл ногой одну дверцу машины, рукой вторую, сбросил на траву кроссовки с заткнутыми в них носками и выбрался из кабины. Минувшая ночь была тёплой, солнышко, несмотря на раннее утро, уже припекало вовсю, а потому день обещал быть жарким.

Повздыхав ещё немного, Митяй полез в будку за канистрами с водой и принялся умываться. Бриться не имело никакого смысла. Кого волнует его небритая физиономия в каменном веке? Умывшись и почистив зубы пальцем, выдавив на него миллиметра три зубной пасты, зубные щётки, хотя он и прихватил их на кордон целых три упаковки по двадцать пять штук в каждой, следовало теперь экономить, как и зубную пасту. Да и туалетная бумага, её он взял со склада целых четыре большие коробки, для него внезапно приобрела особенную ценность. Впрочем, как и всё остальное, кроме двух сотовых телефонов и радиоприёмника, совершенно бесполезных в прошлом, а потому Митяй решил с первого же дня ничего не расходовать зря и обходиться только тем, что найдёт у себя над головой

Мили под ногами. Самой ценной ему сразу же показалась соль, которой он взял много, сто пачек поваренной и ещё двести пятьдесят килограммов лизунца, чтобы приваживать к кордону оленей. «Хрен вам теперь, а не соль-лизунец, перебьётесь!» – смеясь, решил он, закручивая тубик с зубной пастой. Вместе с оконным стеклом и различными металлами, сталью, латуной и бронзой, дефицитом было буквально всё.

Впрочем, он знал, как можно легко, раз и навсегда решить проблему с солью. Уж если нефть была на том же месте, что и в двадцать первом веке, и её тут было просто до фигища, то за солью он со временем как-нибудь смотается на Чёрное море, а в нём её черпать не вычерпать. Вряд ли в районе Абинска ледник преградит к нему путь, так что пусть и по бездорожью, а он туда проедет. Впрочем, соль ведь имелась и гораздо ближе, и, скорее всего, там её даже не нужно было выпаривать. Пока что ему следовало позавтракать, желательнее включив в рацион местные продукты, а самым любимым деликатесом для Митяя всегда была форель. Судя по всему, её в Пшехе водилось навалом. Во всяком случае, ещё вчера вечером он видел, как форель носилась в реке как очумелая. Причём крупная. Поэтому он достал из будки большое пластиковое корыто, разделочную доску и ведёрко, в которое положил два ножа и деревянную колотушку для отбивания мяса. Радостно улыбаясь, Митяй извлёк из оружейного шкафчика тубус с новеньким, ещё ни разу не заброшенным спиннингом и коробку с блёснами. В верховьях Пшехахи, где за хребтом Нагой-Чук находился кордон Дальний, он собирался вволю половить форели. Её там водилось много. Собрав всё, он позвал Крафта и пошёл к реке. Судя по цвету воды, глубина Пшехи в каменном веке была не менее четырёх-пяти метров, а ширина – больше ста. Ландшафт окрест был всё-таки повыше, чем в двадцать первом столетии. Оно и ясно, ведь его ещё не прибило дождями и он не скукожился от ветров и старости.

Митяй не спеша выбрал из трёх дюжин блёсен меппс «Комета блэк фьюри», пятиграммовую вращающуюся блесну чёрного цвета с самым большим тройником. Мелочь форели его не интересовала. Ему хотелось поймать парочку крупных рыбин, зажарить их и немедленно слопать на пару с Крафтом. В своём японском углепластиковом спиннинге «Шимано катана» тяжёлого класса он был уверен на все сто процентов, как и в сверхпрочной плетёной леске и мощной катушке. Такой снастью он смог бы вытащить из Пшехи даже нильского крокодила. Расположившись на берегу поудобнее, Митяй забросил блесну в реку метров на двадцать пять и принялся довольно бездумно крутить катушку, за что чуть было не поплатился. Форель клюнула с такой бешеной силищей, что он действительно подумал, будто в его «Чёрную фурию» вцепился если не нильский крокодил, то точно акула. По всей видимости, форель в это утро очень хотела есть, но совершенно не желала становиться завтраком для него и Крафта. На этот счёт у Митяя имелось своё собственное мнение, и он принялся вытягивать рыбину из воды, а когда та повисла над быстрым течением, то даже не постеснялся ахнуть от удивления:

– Ни фиги себе рыбина!

Крафт весело твякнул в ответ, и Митяй рывком выбросил форель длиной почти в его руку на траву. Снимая её с крючка, он покрутил головой. На первый взгляд это была самая обычная радужная форель, по-умному – *Oncorhynchus mykiss*, вот только её размеры очень уж поразили его. Он не поленился сначала измерить рыбину рулеткой, вышло семьдесят шесть сантиметров, а потом, треснув форель по чайнику колотушкой раз пять, чтобы та успокоилась, взвесил её. Рыбёшка потянула на двенадцать килограммов, но он видел вчера экземпляры и побольше. Посмотрев на облизывающегося Крафта, Митяй улыбнулся и снова направился к берегу. Второй заброс оказался столь же удачным, но форель рванула на этот раз уже чуть ли не вдвое мощнее, а когда он вытащил её из реки, то и вовсе обомлел. Эта рыбина имела в длину один метр четырнадцать сантиметров, весила двадцать один килограмм, но ему попалась уже не радужная, а ручейная форель, *Salmo trutta*, что он, как выпускник биофака, определил чисто механически, почти рефлекторно, хотя добрую половину латинских терминов из определителя Карла Линнея уже позабыл.

Золотисто-рыжеватая рыбина с красными пятнышками и хищно выгнутой нижней челюстью поразила Митяя ещё тем, что в её пасти намертво застрял большой костяной крючок с обрывком лески, сплетённой из человеческих волос, причём светло-русых. В университете он изучал, в числе всего прочего, палеоботанику и палеозоологию, а вместе с ними ещё и палеонтологию и потому немного представлял себе, что такое каменный век со всеми его кремнёвыми делами и толстомясыми мадоннами. Наморщив лоб, он принялся натужно вспоминать культуру каменного века и пришёл к выводу, что этот изящный костяной рыболовный крючок длиной в четыре сантиметра более всего походит на костяные крючки эпохи солютре, датированной пятнадцатую, восемнадцатую тысячелетиями до Рождества Христова, хотя кто его знает точно. Солютре – это ведь Франция, а тут Россия, то есть Северный Кавказ. Митяй поскрёб костяным крючком макушку и невольно пробормотал вполголоса:

– Ни хрена себе нас занесло в прошлое. Вот попали так попали. Ну и что же нам теперь тут делать, Крафт?

Пёс широко зевнул, громко клацнул зубами и облизнулся. Митяй был того же мнения, нефига гадать, в каком году до нашей эры он выловил две здоровенные рыбины, пора их выпотрошить, очистить от чешуи, зажарить и сожрать. Правда, насчёт того, что они смогут умять их в один присест, у него имелись сомнения. Тем не менее, собрав и вложив спиннинг в тубус, он подтащил всё поближе к воде и принялся чистить рыбу. Форель отнерестилась ещё в прошлом году, а потому Митяй мог ловить её с чистой совестью хоть каждый день. После того как он выпотрошил и почистил рыбу, её вес значительно уменьшился, а у него прибавилось оптимизма. За сегодняшний день вдвоём с Крафтом они обе форелины точно слопают. Повесив за спину ружьё, с которым ему совершенно не хотелось расставаться, и спиннинг, взяв в руки

корыто с рыбой и всем остальным, Митяй потопал к машине. Там он первым делом вывалил из ведёрка срезанное с передней части обеих форелей мясо в большую миску из нержавеющей стали, подумывая, что нужно будет её как-нибудь заменить на другую посудину.

Накормив Крафта, Митяй достал из будки складные стол и стул, ящик с кухонной утварью и извлёк большую чугунную сковородку, после чего принёс паяльную лампу и приспособление, вместе с которым получалась прекрасная печь. Форель он жарил совсем не так, как это обычно делают домохозяйки, – не на растительном масле, а на топлёном, сливочном, причём без муки. Эта рыба, обладающая очень нежным мясом, жарилась быстро, и за каких-то полчаса он пожарил её всю, малую часть выложил на стол, а большую сложил в два эмалированных сотейника, надеясь, что рыба за день не испортится. Наконец он приступил к трапезе. Форель оказалась изумительно хороша и просто таяла во рту, так что, умяв три куска, он тут же потянулся за добавкой. Крафт уже успел управиться с сырой рыбой. Пёс стоял напротив, вилял хвостом и облизывался. Митяй специально отложил отдельно два больших ломтя форели, пожаренных первыми, и они уже остыли. Потрогав их рукой и убедившись, что псу не будет горячо есть, он выложил рыбу в миску, и тот в три минуты слопал её и тут же улёгся в тени автомобиля.

Отдохнув после завтрака часок, Митяй полез в будку за рабочей робой и, переодевшись, первым делом вытащил армейскую палатку и установил её метрах в пяти от «Шишиги». Наступила пора разгрузить машину, чтобы та не возила лишний груз. На это у него ушёл весь день до самого вечера. Зато Митяй прекрасно разобрался со своим богатым хабаром и занёс в палатку всё, что нужно было убереечь от дождя и сырости. Довольно тяжело было сгружать двухсотпятидесятилитровые бочки с солярой, бензином и маслом, аккуратно спуская их по двум доскам, но куда тяжелее оказалось выгрузить из будки пакет оконного стекла. Дрожа не столько от усталости, сколько от напряжения, подтащив стекло к палатке, Митяй аккуратно прислонил его к двум бочкам, плюхнулся на траву, выругался и воскликнул:

– Митька, ты точно сдурел! Ну на фига тебе столько барахла! Крафт, вот скажи мне, за каким чёртом я пёр всё это в горы одним заходом, если мог сделать хоть пять ездов?

Пёс озадаченно посмотрел на Митяя и задумчиво ответил:

– Г-г-вурр-м.

Наверное, это означало в переводе с собачьего: «Митяй, ну а я-то почём знаю? Тебе из погребя виднее».

Митяй усмехнулся и одёрнул ворчуна:

– Но-но, без критики, братишка. Зато с таким хабаром ты теперь будешь жить у меня как у Христа за пазухой. Понял? – После чего всё же добавил: – И всё-таки это мне непонятно. Или как раз этим всё и объясняется? Вдруг меня какие-то умники из высших сфер взяли и подловили на такой моей запасливости? Мол, если ты у нас такой предусмотрительный, парень, то вот тебе наше задание: чеши в каменный век и покажи там дикарям, что такое прогресс и современная цивилизация. Нет, вряд ли, я же Крейзи Шутер и не мне поручать такие миссии.

Думая о том, кто и зачем мог отправить его то ли в прошлое, то ли в параллельную Вселенную, – в этом он уже сомневался, – Митяй отошёл подальше от бочек с горючим, выкурил сигарету и продолжил разгрузку «Шишиги». Крафт всё это время нарезал вокруг их стойбища сторожевые круги, но далеко не убежал. Попытеть Митяю пришлось основательно, но зато свою вторую ночь в каменном веке он провёл в райских условиях, практически вернув будке её обычный жилой вид дачи на колёсах. В принципе если обложить будку на зиму еловыми лапами, то перезимовать можно и в ней, но ему такое решение претило своей тупизной и просто невероятной, чудовищной ленью потомственного лодыря первой гильдии, а он себя к числу таких типов не относил. Зато у него начал складываться генеральный план строительства.

На следующее утро после очередной короткой рыбалки и завтрака Митяй достал из палатки, превращенной в хранилище строительного хабара (продукты и одежду, на которые могли посягнуть хищники, он оставил в будке), две отличные лопаты, штыковую и шуфель-

ную, кирку, лом, а также большую бензопилу и сучкорез. Места на вершине холма для строительства дома было хоть целый микрорайон пятиэтажек возводи, но он как решил для начала выкопать себе самую простую полуземлянку, но чтоб побольше, побольше, для жилья и под капитальный склад, так и не стал менять планов. Однако Митяй всё же пришел к выводу, что ему первым делом нужно поставить неподалёку от места строительства элементарный сарай, устроить в нём мастерскую и завести себе календарь. Только после этого следовало строить большую блиндированную землянку, причём поодаль от плоской вершины холма, с краю, на северном склоне, чтобы потом использовать её в качестве продовольственного склада или ещё для каких-нибудь нужд.

Заправив мощную, профессиональную, промысловую, как он любил говорить, бензопилу – таких у него было две, длиной в девяносто сантиметров, – плюс сучкорез, Митяй сел за руль и подъехал поближе к лесу с таким расчётом, чтобы можно было вытаскивать брёвна лебёдкой. Не таскать же их на себе вручную. Хорошо, когда имеется техника, а к ней изрядное количество горючего. После этого он стащил вниз стальной трос и только потом вернулся за бензопилой. Местное зверьё им пока что не интересовалось, но он на всякий случай велел Крафту находиться рядом и не расставался с «ремингтоном».

Ружьё Митяй снял с плеча только тогда, когда завёл бензопилу, хотя и понимал, что «Техасская резня бензопилой» в эпоху солютре да ещё против махайродов точно не прокатит, но надеялся, что тем не понравится, во-первых, дикий визг и рычание бензопилы, а во-вторых, вонь выхлопных газов. Сосны он начал валить с самого края, не очень-то выбирая, а точнее, стал пилить ту, которая росла к машине ближе всех. Сосенка вымахала нехилая, метров под тридцать высотой, а у комля имела в толщину больше полуметра, но самое главное, таких сосен здесь росло под сотню штук, они стояли тесным строем, тянулись вверх и потому были почти без сучьев. В общем, мачтовый лес, да и только.

С первой сосной Митяй возился полчаса, пока дерево не рухнуло на землю вершиной к машине. Немного передохнув, он направился к верхушке и быстро не только её обкарнал, но и заскладировал в сторонке излишки, чтобы не мешались под ногами, порезав все ветки на небольшие куски, которые мог поднять без особой натуги. После обрезки комля на пологом склоне холма остался лежать ровный «карандаш», длиной почти в двадцать пять метров. В нём было под три тонны веса. Чтобы не насиловать Шишигу, к которой стал относиться как к живому существу и даже сделал это шоферское прозвище своего легендарного автомобиля, и не его одного, именем собственным, Митяй перепилил бревно на три части, зацепил то, что потяжелее, тросом, завёл двигатель и без особого напряжения вытащил лебёдкой к тому месту, где решил построить просторный и прочный сарай. До вечера он сумел свалить, очистить от сучьев, вытащить наверх и распилить на брёвна длиной в восемь метров ещё четыре сосны, отчего ухайдакался в хлам. Сил у Митяя хватило только на то, чтобы нагреть два ведра воды, искупаться и поужинать, после чего он сразу же завалился спать.

На четвёртый день своего пребывания в каменном веке он свалил ещё пять сосен, затем, на пятый, уже семь. Только на шестой день он выпилил бензопилой из комля самой большой сосны толстенную доску длиной в пять метров и шириной в семьдесят сантиметров. Острогав её электрорубанком, Митяй в полдень, незадолго до обеда, вырезал дату своего появления здесь – понедельник, двадцать пятое июня, вот только вместо года он вырезал стамеской четыре ноля и потом прибавил, через запятую, ещё шесть прожитых им в далёком прошлом дней. Разобравшись с календарём, он принялся пилить самые толстые брёвна на доски, пусть грубые, толщиной в пять-шесть сантиметров, зато прочные, и всего за пять дней построил без единого гвоздя, используя для соединения досок деревянные штифты, отверстия для которых он сверлил здоровенной электродрелью с толстым сверлом, может быть и неказистый, но зато просторный и прочный односкатный сарай под склад, навес под мастерскую и большой верстак, после чего наконец собрал мотоцикл, приделал к нему волокушу и перетаскал в сарай весь дра-

гоценный хабар. Наконец Митяй мог спать в будке совершенно спокойно. Сосны он напилил с большим запасом, и теперь ему требовалось дерево попрочнее. Поэтому, как только с сараем всё было ясно, хорошенько выспавшись, он после сугубо рыбного завтрака сел в машину и отправился в большой лес, до которого от холма было километра четыре. Ближе к его новому месту жительства росли высоченные сосны, но за ними начинался смешанный лес.

Митяй поехал вдоль Тухи, от неё до леса было с полкилометра, и вскоре высмотрел рядом с опушкой высокий стройный дуб. Менее чем через час дуб лежал на земле, и Ботаник распилил его сначала на брёвна длиной в четыре метра, затем на широкие доски толщиной в пятнадцать сантиметров и в три захода перевёз твёрдую древесину в столярку.

Прекрасно зная, что копать землянку будет адовой работой, он решил упростить себе задачу. На следующий день, доев последние, почти засохшие мамкины пироги, добавив к ним форель, он закатил Ижика, хотя и меньшего по размерам, чем Шишига, но зато старшего по возрасту, под навес и принялся мастерить себе средства малой механизации, а именно – прочный дубовый плуг, чтобы рыхлить землю с помощью мотоцикла. С малыми оборотами Ижика и отличным крутящим моментом, да ещё переставив звёздочки и понизив обороты, это будет несложно, главное, конечно, не переусердствовать. Пахал же на нём в молодости его батя участок земли, самовольно прирезанный к даче, и ничего, мотоцикл остался жив. Митяй лишь пожалел, что не взял с собой ещё и универсальный мотоблок с кучей навесного инструмента, но он ему в горах и на фиг не был нужен, зато здесь точно пригодился бы. Всенепременно пригодился бы, но, увы, это чудо китайской техники осталось в двадцать первом веке и теперь радостно хихикало.

Помимо дубового плуга-рыхлытеля, лемех которого он оббил трёхмиллиметровым железом от мангала, Митяй изготовил ещё и метровой ширины лопату, чтобы превратить Ижика ещё и в мини-бульдозер, для чего сколотил прочный ящик. Нагруженный камнями, он значительно усиливал сцепление заднего колеса с почвой. Ещё он изготовил из сосновых досок вместительную тележку, чтобы вывозить плодородную почву туда, где удобнее всего будет впоследствии разбить огород и вспахать и засадить поле.

Через три дня, закончив столярничать, Митяй, вбив колышки, завёл мотоцикл и проложил первую борозду глубиной всего в двадцать пять сантиметров. Уже через полтора часа он взрыхлил весь участок и навесил на Ижика лопату. До обеда он сделал два прохода. К вечеру, углубившись более чем на метр, он дошел до коренных пород, и те его не очень-то обрадовали, хотя и не испугали до смерти. Вот тут-то Митяй впервые взялся за лопату. Под слоем дёрна и земли толщиной всего сантиметров в шестьдесят, к которому он отнёсся очень бережно, находился полуметровый слой слежавшегося вулканического пепла. С ним он разобрался играючи и даже обрадовался – удобрение, зато ниже лежал растрескавшийся известняк, пересыпанный пеплом же и ещё глиной. Однако пусть всего и по десять сантиметров, но плугоцикл брал и известняк, хотя в некоторых местах Митяю пришлось здорово помахать киркой и постучать ломом. Руки у него и раньше были крепкими и мозолистыми, рукавиц он, помня наставление деда «в штанах не траханье, в рукавицах не работа», не признавал, а потому, хотя и помучил руки на славу, своего всё же добился – выкопал под землянку яму глубиной с одной стороны в два метра, с другой – в полтора, шириной в восемь и длиной в семнадцать метров, если считать в чистоте, без съезда в неё и выезда. Гандобить себе на зиму каморку он счёл делом постыдным.

Когда Митяй покончил с этой работой, то, нисколько не надеясь на милость небес, хотя за всё это время дождя не выпало ни капли, в хорошем темпе выкопал вручную два прохода в будущую землянку и принялся самым энергичным образом подтаскивать Шишигой брёвна к столярке. В ней он распускал самые толстые из них на брусья сечением в двадцать пять сантиметров и попутно возводил остов высокой землянки. Как и при строительстве сарая, он не пускал в ход гвозди, обходясь одними только дубовыми штифтами. Их он пилил квадратными,

с несколько большим сечением, чем диаметр просверленного мощной строительной дрелью отверстия.

Изготовив каркас, Митяй первым делом накрыл его односкатной крышей, настелив её в две толстые доски, чтобы не было щелей, да ещё и положил между ними два сантиметра глиняного раствора, благо глины вокруг хватало. Затем он принялся обвешивать каркас землянки с внешней стороны выровненным под стыки толстым горбылём на штифтах, подпирая его камнями, и одновременно обшивать досками изнутри, заполняя пустое пространство смесью сухой глины и крупных, влажных, приятно пахнущих смолой опилок. Горбыль он старался делать потолще, и когда поднял обшивку на уровень земли, то стал поднимать стены уже из одного только мощнейшего бруса полуметрового сечения.

Чтобы не родить от натуги ежа иголками вперёд, Митяй соорудил мощный дубовый козёл высотой в четыре метра, на салазках и с лестницей, так что он поднимал брусья не вручную, а лебёдкой, просверливая в них дырки. Их он тоже ставил на штифты, и только с самыми верхними ему пришлось помучиться. Вкалывал при этом Митяй по двенадцать-четырнадцать часов в сутки, но не останавливался, прекрасно понимая, что землянку ему нужно соорудить как можно быстрее, а то мало ли что может случиться. Вроде бы неказистые и незамысловатые, но средства малой механизации, особенно подъёмный козёл, его здорово выручили, и к концу июля он вчерне завершил строительство землянки. Навесив толстые дубовые двери, он оснастил их изнутри мощными засовами. На землянку не пошло почти ничего из того, что он привёз с собой в это чёртово, жутко далёкое прошлое. Ничего, кроме четырёх прочных амбарных навесов, что пошли на двери, да двух десятков гвоздей. Зато землянка у него вышла знатная, трёхкомнатная, с прихожей, с деревянными полами, правда, из сырого леса, так что босиком по ним не очень-то походишь. Ну, лес рано или поздно высохнет, после чего полы можно будет и фугануть.

Тем не менее Митяй остался доволен даже временной дощатой крышей, но ещё до начала зимы надеялся сделать ей капитальный апгрейт, сгоняв на Асфальтовую гору. Она же так называлась не от балды. Там имелись выходы асфальта на поверхность, а это в каменном веке был самый лучший гидроизоляционный материал. Правда, до того момента Митяю нужно было окончательно разобраться со стенами землянки, и он уже знал, как это можно сделать.

Отдохнув от трудов праведных пару дней, он снова взялся за строительные работы, но уже ниже по склону, на просторной ровной площадке, где решил соорудить печь для обжига извести и кирпича. Песок и глину он уже нашёл, причём неподалёку, на берегу Тухи. Глина, правда, оказалась не фонтан, почти бурожгущаяся, но для грядущих целей и такая вполне годилась. Митяй месил глину, смешивая её с песком и древесной золой от сожжённых веток прямо на своих глинищах, и там же формовал кирпичи, радуясь, что нет дождя, но к ночи перевозил их на тележке к тому месту, где собирался устроить печь для обжига, и складывал под большим навесом.

С кирпичами Митяй не промахнулся, они, по крайней мере, не растрескались и вскоре превратились в отличный кирпич-сырец. Из него-то он и сложил печь для обжига кирпича ёмкостью на четыре кубометра. Большого ему пока что и не требовалось. Он обложил печь неиспользованным горбылём и целых три дня днём и ночью сжигал в ней все дрова, а их у него накопилось немало. В конечном итоге печь с полуцилиндрическим сводом, сложенная на глиняном растворе, отлично прокалилась и при этом не покосилась, но самое главное, не развалилась, а стало быть, ему можно было начать новый этап работ по благоустройству жизни в каменном веке.

Да, теперь Митяй мог смело приступать к обжигу кирпича, а затем и извести, но первым делом он соорудил самый примитивный гончарный круг и наделал больших, узкогорлых, цилиндрических горшков-бидонов на полтора ведра каждый. Первые три десятка горшков он обжег самым варварским способом, установив их на полуметровый слой дров и переложив

чурками. К его неопишуемой радости, накрылись медным тазом только четыре горшка, и, пока сохли новые, он целую неделю собирал с поверхности воды нефть и сливал её в закопчённые и страшные, как чума, горшки. Следующие горшки он уже обжигал по-новому, используя для этого нефть, которая, отстоявшись, прекрасно горела в выточенной им на токарном станке жидкотопливной форсунке.

Нефть, собранная с поверхности воды в полукилометре от её места выхода с помощью самой обычной доски и деревянного герметичного ящика, оказалась довольно светлой, и Митяй быстро понял почему. Все тяжелые фракции просто опускались на дно реки. Нырять в реку, чтобы проверить это, у него не было никакого желания, но в первый же день он выяснил – рыбы в Тухе нет и на водопой к ней никто не подходит. Правда, задолго до впадения в Пшеху воды этой речки очищались естественным образом настолько, что нефтяная плёнка становилась едва заметной, но ему что-то не хотелось ловить рыбу ниже по течению. Сколько всего нефти выливалось в Туху, он не подсчитывал, но к середине августа набрал её двести пятьдесят горшков, или полные пять тонн, но в чистом виде, после того как нефть – а точнее, нечто вроде густой соляры – отстоялась, получилось меньше трёх тонн. Вытекало её, скорее всего, гораздо больше. Зато это позволило ему обжечь почти четыре тысячи штук кирпичей и примерно три с половиной тонны негашеной извести. Найдя подходящее местечко неподалёку от Пшехи, Митяй выкопал яму, обложил её горбылём, засыпал в неё известь и залил водой. Шипела она знатно.

Перекрыв яму горбылём, он на следующий день запер все двери и уехал на Асфальтовую гору, хотя и не надеялся до неё добраться, ведь ему нужно было как-то переехать через Туху, а потом ещё через куда более полноводный Пшиш. Митяй всё же добрался до места всего за полдня и без каких-либо особых проблем. Туха, оказывается, в своём верхнем течении текла в трёх километрах от ледника, к которому он подъехал вплотную, а потому её, как и Гольшку, питали добрых три десятка ручьёв. Поэтому за ледником она была мелководной, а Пшиш и в каменном веке не представлял собой ничего грозного, хотя и был намного полноводнее, но в районе будущего Хадыженска новоявленный Робинзон нашёл удобный брод и легко его переехал. Всё правильно, ведь он поехал туда на Шишиге, а не на каком-то там «ренджровере», которому даже в день рождения английской королевы не снилась такая проходимость.

Приехав на место и побродив три дня по территории этого ещё не существующего даже в проекте посёлка, причём всё это время шёл дождь, он нашел-таки выходы асфальта на поверхность и занялся раскопками. Асфальта там оказалось немного, но это для промышленных разработок, а так, по расчётам Митяя, ему этого добра точно хватит на семь жизней. Накопив добрых пять тонн асфальта и найдя жилу шикарного плотного песчаника, он вернулся к родной землянке и на следующий день, благо дождь как раз закончился, принялся обжигать четыре больших лотка для разогревания асфальта.

Когда деревянная крыша просохла под палящими лучами солнца, он оббил её, пользуясь чопиками вместо гвоздей, рейкой сечением два на три сантиметра и принялся укладывать сверху горячий асфальт и укатывать его тяжелым дубовым катком почти метрового диаметра. Вот теперь он был полностью уверен, что, когда дожди зарядят основательно, в его землянку не просочится ни капли.

Покончив с крышей, он покрыл асфальтом подсыпку вокруг землянки и настелил его при входе, под навесами, чтобы не таскать грязь в дом.

Митяй, хотя и строил всего лишь землянку, делал всё основательно и на совесть, но до полного окончания работ было далеко. Как только он изготовил гидроизоляцию на крыше, причём такую, что её не всякий медведь вскрыет, то оббил брёвна снаружи рейками и оштукатурил жилище известковым раствором, после чего облицевал кирпичом откосы при входе. Однако и на этом его работа не закончилась. Митяй принялся класть в землянке две печи, одну дровяную, другую работающую на солярке, а как только покончил с этим, то сложил из

кирпича ледник и оштукатурил его известковым раствором. После этого, в ожидании того дня, когда раствор высохнет, он занялся сбором семян для Гоши, хотя и взял с собой для попугайчика изрядное количество корма. Увы, но всё это время бедный попугайчик сидел на одних только сухарях, да ещё арахисе, который Митяй для него мелко подробил.

Территория, свободная от леса, имела размер гектаров тысячи под три с половиной, и Ботаник рассматривал её как свою будущую латифундию. Близился сентябрь, и практически все злаки созрели. Митяй несколько раз копал ямы и убедился, что в низовьях холма плодородный слой раза в два толще, чем на его вершине, так что он мог смело пахать землю. Правда, вскопать под огород всё поле он не смог бы физически при всём своём желании, даже используя в качестве тягловой силы мотоцикл. Но с этим делом он и не торопился, хотя кое-какие посадки и собирался сделать под зиму. Например, высадить для приманки кабанов топинамбур, который вёз в горы, чтобы посадить на кордоне, а также чеснок. Остальное земледелие Митяй оставлял на весну.

Правда, ему сначала нужно было отгородиться от леса высоким забором, иначе всё его огородничество намахнётся в три дня. Кабаны уже заглядывали к нему чуть ли не в землянку. Из-за их визита и с этим делом Митяй решил не затягивать. Поэтому как только он собрал для Гоши четыре мешка самых разнообразных семян, то снова взялся за бензопилу и принялся с помощью второго подъёмного козелка, на этот раз уже высотой в восемь метров, и лебёдки Шишиги строить из сосновых брёвен, длиной по десять метров, укладывая их друг на друга горизонтально, сажая на дубовые штифты через пять метров и через каждые десять метров вкапывая столб, «Великую Китайскую стену» с тремя воротами для выезда с охраняемой территории. Мачтовый лес он пилил буквально в пятидесяти метрах от стены, а потому работа у него шла споро. Ему постоянно приходилось орудовать бензопилой, и он к ней уже привык так, что валил сосну максимум за пятнадцать минут. Такелажными работами он занимался с помощью Шишиги, топлива пока хватало, и потому стена росла быстро. Мелкое зверьё и люди могли её преодолеть, но это вряд ли смогут сделать носороги и мамонты, да и махайроды тоже. Особенно если он утыкает её острыми кольями, выставленными наружу. Со стороны Тухи к нему мог пробраться весной, летом и осенью только самый тупой махайрод, а зимой ему и так будет на всё наплевать.

Зимой Митяй намеревался не заниматься ничем, кроме охоты и праздного времяпрепровождения. Если, конечно, позволят обстоятельства и обитатели здешних мест, которые пока что ничем ему не досаждали. Скорее всего, потому, что от него было слишком много шума и вони. Вскоре количество вони должно было резко увеличиться, ведь после возведения стены он намеревался съездить за льдом, затем поохотиться, форель ему уже приелась, а потом заняться сбором нефти и её перегонкой в бензин, надеясь, что движки не станут от него чихать. Строительство стены высотой в шесть метров, усеянной поверху острыми кольями, которое Митяй вёл ударными темпами, он завершил в середине сентября и, не приходя в сознание, тут же принялся сооружать на берегу Тухи нефтесборную яму и деревянное боновое ограждение. Рыба уже пошла на нерест, и ему следовало поторопиться, так как это форель домоседка, а его интересовал лосось, и особенно его икра, которую он любил безмерно, да очень уж та была дорогая, ему не по карману, а тут маячила роскошная и, главное, безразмерная икорная халява.

Длинную и узкую нефтяную яму он копал с помощью мотоцикла в двадцати метрах от реки чуть ли не круглосуточно, благо почва в районе будущей улицы Девятого Января, где как раз находилась автозаправочная станция, оказалась рыхлая, по большей части глина с большим количеством песка. Набив руку на пропажном рытье котлована под землянку, Митяй управился с куда большей по объёму работой всего за неделю, что и понятно, ведь ему требовалось длинное и узкое нефтехранилище, которое он собирался перекрыть крышей, а вокруг него возвести невысокий парапет. Ещё три дня он занимался тем, что укладывал на дно и на стены асфальт, чтобы собранная нефть не впитывалась в почву, и поднял кирпичный парапет чуть

ли не на метр над землёй. Нефтехранилище у него получилось знатное, на шестьсот двадцать кубов, но и намаялся он за то время, что строил его, крепко. Зато когда Митяй установил на берегу, под углом в тридцать градусов, стрелу из целой сосны и опустил в воду длинную дубовую доску-бон с привязанными камнями, чтобы та не всплывала, нефть потекла по керамической трубе, проложенной в узкой канавке, в яму нефтехранилища, и после нефтесборника на поверхности воды осталась одна только тонкая радужная плёнка, но и та вскоре исчезла.

Зато в длинную яму шириной в четыре метра, огороженную глиняным бруствером и стеной в один кирпич, «оштукатуренной» асфальтом изнутри, не такой уж и тонкой струйкой полилась нефть, смешанная с водой. За сутки нефти стекало в яму литров триста, и теперь Митяю пришлось снова срочно взяться за бензопилу, чтобы соорудить над нефтехранилищем навес от дождя и загородить его стенами от снега. Вскоре он управился и с этим и немедленно поехал за льдом, чтобы успеть заготовить как можно больше лосося на зиму. Для себя Митяй отгородил в землянке комнату размером три с половиной на пять метров. В ней же он разместил и слесарно-токарную мастерскую. Второе помещение, немного побольше, пять на пять метров, служило ему отапливаемым складом, а третье, такого же размера, обложенное кирпичом и оштукатуренное, с асфальтовым полом и двумя входами, изнутри и снаружи, он превратил в холодный склад, установил в нём полки, завёз в него колотого льда, рассыпав по полу более чем полуметровым слоем и засыпал опилками. Холодильник получился серьёзный, с температурой воздуха не выше минус шести градусов осенью. Зимой будет ещё холоднее.

После этого Митяй с чистой совестью отправился на реку со спиннингом и принялся выуживать из воды всё, что попадалось на крючок. За каких-то две недели он уложил в грубо сколоченные деревянные ящики и пересыпал колотым льдом добрых пять тонн рыбы, две трети из которой были лососями, причём ещё не начавшими нереститься. Заодно он заложил на лёд почти тонну икры в глиняных горшках и лишь небольшое количество, килограммов пятьдесят, засалил, чтобы побаловать себя. Теперь зима Митяя уже не страшила, и он наконец начал исследовать самую ближнюю территорию, разъезжая по своим владениям на Ижике, способном проехать где угодно, и при этом с довольно большой скоростью.

В первую очередь его интересовала высококачественная глина, и вскоре он нашел на берегу Гольшки то, что искал, – почти белую глину, без малого чуть ли не чистый каолин, – и сразу же занялся её добычей, пока не зарядили сплошняком дожди. Вместо навеса над первой печью для обжига он построил из оставшегося леса большой непродуваемый сарай с двускатной крышей. В нём ровно треть площади занимал здоровенный деревянный бассейн для замачивания глины. В дополнение к первой он сложил вторую печь для обжига, ещё большего размера, изготовил из толстых досок сушильную камеру, и у него осталось ещё довольно много места.

Нефть всё прибывала и прибывала в яму, и Митяю следовало подумать о том, чтобы соорудить не какой-то там чеченский самовар, а самую настоящую ректификационную колонну. Тщательно перебрав руками чуть ли не каждый комочек глины и замочив её, добавив промытого кварцевого песка, который нашёл в районе Асфальтовой горы, он накрутил на уже куда более профессионально изготовленном гончарном круге, приводимом в движение мотоциклом, три десятка больших горшков для хозяйственных и технических нужд, в первую очередь для сбора мочи, она ему тоже должна была вскоре пригодиться.

Глина ему попала просто великолепная и, что самое главное, уже отмоченная в естественных условиях, а потому он легко и быстро «вытягивал» из неё даже очень большие горшки, благо с гончарным делом он был знаком с детства, ещё со школы. Митяй поставил их в сушильный шкаф и зажёл форсунку. Через три дня – а он всё это время копал глину и возил её в керамический цех – горшки капитально просохли. Он загрузил их в печь, заложил устье кирпичом и на следующий день, с утра пораньше, запалил целых шесть больших нефтяных форсунок, изобретённых кем-то безвестным, оснащённых кольцом нагрева топлива, из-за чего

те могли работать на любом жидком топливе. Форсункам было достаточно лишь нагреться, и затем они горели с рёвом даже без какого-либо наддува, пока в баке имелась нефть. Обжиг шел в течение двенадцати часов, до самой ночи, но посмотреть на то, что у него получилось, Митяй смог только через сутки. Вскрыв печь прежде времени, он мог мигом угробить все свои труды.

Когда печь полностью остыла, он разобрал кирпичи и увидел, что только треть толсто-стенных горшков могла пойти в дело. Остальные либо растрескались, либо дико скукожились, но это его нисколько не расстроило. Зато на готовые горшки было любо-дорого смотреть. Желтоватые, светло-серые, они и без какой-либо глазури имели очень плотную структуру. Да, из этой глины, которую он обжигал при температуре не менее тысяча пятидесяти – тысяча ста градусов, можно было смело делать ректификационную колонну, но Митяй не стал торопиться. Отобрав семь самых лучших даже не горшков, а скорее двадцатилитровых бочонков с крышками и ручками, он поставил в печь следующую партию керамики, заполнил нефтью и выстроил снаружи, под навесом, пять горшков, помочился в шестой и принялся разбивать молотком весь брак. Когда он основательно измельчил черепки, то заложил их в изготовленный на скорую руку деревянный барабан дробилки вместе с расколотой на мелкие куски доломитовой галькой и завёл свой многострадальный мотоцикл, поставленный на козлы, отрегулировав работу двигателя на минимальные обороты, чтобы тот крутил дробилку.

Хотя дробилка и тряслась, как скаженная, уже через несколько часов Митяй получил почти куб шамотной крошки пополам с доломитовой и вскоре приступил к новому этапу работы – принялся формировать огнеупорные кирпичи, которых ему требовалось теперь очень много. Осматривая берег Пшехи, он нашёл роскошное галечное поле и даже привёз оттуда несколько десятков образцов. Разгуливая по галечнику, он почти сразу же нашел несколько больших тяжёлых тёмно-красных, почти коричневых, камней, точно таких же, какие однажды в детстве принёс домой, но всё же включил ноутбук и проверил их по справочнику. Да, это оказался гематит, красный железняк, то есть железная руда, значит, он сможет выплавить из него железо, для чего ему нужно будет построить вагранку. Что она собой представляет и как выглядит, Митяй знал довольно хорошо, видел на заводе имени Седина в Краснодаре. В принципе, имея под рукой берёзовый уголь, известняк, доломит и, главное, достаточно много гематита, он мог выплавить из него железо, а для этого в больших количествах требовался огнеупорный кирпич. Однако сначала Митяй всё же хотел построить большую, капитальную, взрослую, как он сказал Крафту, печь для обжига любой керамики, включая и кирпичи. Этим он и занимался полмесяца с раннего утра и до поздней ночи. Ещё он ни на минуту не забывал о своём маленьком керосиновом заводике. Керамические цилиндры диаметром восемьдесят сантиметров и высотой метр двадцать имели специальные утолщения поверху и в их пазы, проточенные по лекалу, чтобы можно было вставлять друг в друга, а также приливы внутри, чтобы устанавливать в них тарелки для сбора конденсата, он обжигал в большой печи и из ста тридцати семи штук в конечном итоге отобрал только десять, после чего обжег ещё три с половиной десятка таких же цилиндров, но уже попроще, чтобы собрать из них ёмкость, в которой нефть будет нагреваться до температуры в триста девяносто градусов. Наконец он приступил к строительству небольшого керосинового заводика, а поскольку успел хорошо подготовиться, то соорудил его всего за каких-то две недели, пустив на герметизацию всех стыков такое драгоценное вещество, как портландцемент шестисотой марки, которого взял с собой всего четыре мешка. Цемент он берёт и, чтобы тот не слежался, пересыпал его в горшки и хорошенько прожарил в печи для обжига. После капитальной просушки-прокалки нефтеперегонного оборудования Митяй перекрестился, зажёл форсунки и приступил к испытаниям.

В принципе никакого испытания заводика не потребовалось. Как только он залил нефть в керамическую ёмкость длиной шесть метров, открыл выюшки и пустил раскалённый воздух в камеру нагрева, то уже через час двадцать минут из керамической трубы потекла тонкая струйка чуть-чуть желтоватого бензина. Уровнем ниже бензин был немного желтее, но его

вытекало почти вдвое меньше. Последней потекла солярка, причём целых трёх сортов, а она нужна была Митяю в первую очередь. Набрал первые двадцать литров самой светлой соляры, он с волнением залил его в двигатель Шишиги и завёл его. Тот, к его облегчению, работал без каких-либо нареканий. К его полному восторгу, оба японских дизель-генератора «Ямаха», заточенные под российскую соляру, работали на его доисторической соляре как ни в чём не бывало, а бензопилы, рассчитанные на семьдесят шестой бензин, даже не чихнули ни разу – когда он их завёл, у него окончательно отлегло от сердца.

Жизнь налаживалась и в ближайшее время обещала быть не такой уж и тяжёлой, но для этого ему нужно было сначала попахать очень основательно. Так Митяй стал первым нефтехимиком доисторического времени и на радостях даже выпил два стопаря водки, обмывая свой керосиновый заводик. Может быть, он и попал в этот чёртов провал во времени как кур в ошип, но всё же не пропал в каменном веке.

Хотя ему и было грустно от одиночества, он не расстраивался, и всё потому, что часто рассматривал тот костяной рыболовный крючок, который ему посчастливилось выудить вместе с огромной форелью. Особенно обрывок лески, сплетённый из человеческих волос. Явно женских. Глядя на него, Митяй всё чаще и чаще думал как раз не о том, чтобы побыстрее найти первобытных людей, тем более что кроманьонцы даже по внешнему виду ничем не отличались от него, а о вещах куда более серьёзных. В первую очередь о том, что он принесёт в их нелёгкую, голодную и холодную жизнь. Естественно, это должен быть прогресс, новые технологии и, самое главное, те знания, которые он привёз с собой из двадцать первого века. Случайно он попал в прошлое или нет, уже не имело для него никакого значения. Теперь он считал своей самой главной задачей как можно скорее освоить множество ремёсел и построить далеко не самые примитивные цеха, чтобы принести своим землякам, живущим в далёком прошлом, реальную пользу, а не болтовню о гигантских железных птицах и прочей ерунде, непонятной им. Обработку дерева и гончарное дело он уже наладил, запустил нефтяной заводик, так что теперь пора было подумать и о выплавке металла, причём чугуна и стали, чтобы от его прогрессорской деятельности людям была польза. И не только об этом, но и о многом другом, а сейчас его встреча с людьми будет просто преждевременной и не имеющей для них никакого практического смысла.

О том, что ему нужно сделать, Митяю думалось легко, и он представлял всё очень ясно и чётко. Куда труднее ему было не вспоминать о доме – о маме, отце, младшем брате, бабушке с дедом, о друзьях и подругах. Чтобы не вспоминать о них, он даже заложил как можно дальше оба сотовых телефона, ведь позвонить в такое далёкое будущее не мог.

Глава 3

Большая стройка в каменном веке

Наступило двенадцатое декабря нулевого года. В этот день Митяю исполнилось двадцать семь лет, и они отмечали его втроем: он, Крафт и беспечный пофигист Гоша. Все трое по этому поводу выпили за его здоровье и дальнейшие успехи. Попугай Гоша склевал кусочек печенья, на которое Митяй капнул коньяка, и весело зачирикал, Крафт в мгновение ока сгрыз три куска сахара, опять-таки с коньяком, а сам именинник лихо накатил три стопки французского коньяка «Курвуазье», двенадцать бутылок которого он взял на кордон, чтобы побаловать себя время от времени. Прихватил он и две коробки по двенадцать бутылок водки, но выпил за всё это время только одну бутылку. До самых холодов Митяй вкалывал как каторжный, но за всё это время только и успел сделать, что построить землянку, отгородиться от леса почти четырёхкилометровой длины стеной из брёвен, соорудить пункт нефтедобычи, построить довольно неплохой керамический цех и маленький нефтяной заводик, полностью обеспечивший его бензином, керосином и соляркой, причём он даже не знал, куда их теперь девать, и потому попросту время от времени сжигал излишки нефти в керамических горшках, которые расставил по периметру. Вот только бензин ему было некуда девать, ведь покупатели на него в этих краях не скоро объявятся, а топить им было опасно. Но Митяй и здесь нашел выход – стал смешивать его со светлой мазутой и сжигать в печи для обжига, в которой он чуть ли не ежедневно обжигал если не горшки, то кирпичи.

В принципе уже одного этого должно было хватить, чтобы отпугнуть хищную живность от своих владений. До Нового года Митяй решил сачковать. Покончив с самыми тяжкими трудами ещё неделю назад, он пару раз съездил на охоту в лесостепь и завалил большерогого оленя, а также трёх здоровенных свиней, чем обеспечил себя мясом до весны. Все четыре шкуры он тщательно отмездрил, заложил в четыре большие керамические бочки и залил собранной ещё с лета, с момента появления на свет первых горшков, мочой. Никаких других дубильных средств для выделки кожи и меха у него не было и не предвиделось в ближайшем будущем, пока он не найдёт в галечниках пиролюзита.

Взяв себе отпуск, Митяй отнюдь не бездельничал и первым делом занялся тем, что устроил генеральную ревизию на складе. Во всех трёх помещениях землянки у него имелось электрическое освещение, а поскольку он сам лично купил целую сотню энергосберегающих ламп (зимой ведь с кордона за покупками не спустишься), о которых говорили, что их срок службы составляет не менее двадцати пяти лет, то без света не сидел. У него имелось по два ремкомплекта к каждому из генераторов, да и просты они были до безобразия, даром что японские, так что за них Митяй не очень-то волновался.

Ревизию он начал с того, что достал большой фанерный ящик с кормом для попугайчика и принялся зёрнышко за зёрнышком перебирать его на столе. В результате он получил следующий фуражно-крупяной ассортимент: семена пшеницы – это раз, семена овса – это два, семена проса – это три, семена ещё какого-то злака, неизвестные ему, похоже, что всё-таки ржи, – это четыре, кажется, семена ячменя – это пять, семечки подсолнечника – шесть, а также семена льна – семь. Для земледелия уже вполне хватало. Однако у него ещё имелась с собой гречневая крупа в количестве двух мешков, авось хоть какое-нибудь зёрнышко да прорастёт, мешок фасоли, белой и красной, эта с гарантией прорастёт, и двадцать пакетов чечевицы. Митяй и сам не понимал, за каким чёртом согласился её взять, поскольку ни разу не пробовал этого зверя, и мешок гороха, тот тоже мог прорасти. Вот уж точно, что прорасти никак не могло, так это мука, манка, макароны, сахар – песок и кусковой. Правда, он взял с собой добрых три десятка разных сортов семян овощей, кукурузы, капусты и прочей зелени, которую родители выращи-

вали на даче, и даже семена цветов, а также шесть мешков картошки и два мешка топинамбура. Топинамбур и весь чеснок он уже посеял под зиму, так что за них особенно не переживал. Весной они обязательно взойдут и дадут урожай.

Ну с этими растениями ему всё было более или менее ясно, и он только и ждал, когда наступит весна, и даже принялся конструировать надёжный трактороцикл Ижик для вспашки зяби, или как там ещё называется весенняя вспашка у агрономов. Митяй уже определился с тем, какую железяку открутит от Шишиги, чтобы после Нового года выковать себе плуг. У него имелась небольшая наковальня и восемь молотков самого разного калибра, включая куму и даже здоровенный чудильник. В кузнецы он хотел записаться после Нового года, числа пятого, а пока что думал о том, что выйдет из его сегодняшнего эксперимента.

Мамка дала ему в дорогу два больших полотняных мешка с сухофруктами и мешок с изюмом. Всё с дачи, причём своего собственного приготовления, без прожарки в духовке, то есть нежной сушки. Как-то Митяй очень тщательно, чуть ли не с лупой в руках, перебрал сухофрукты и извлёк из них каждое семечко. Все косточки черешни, вишни, абрикоса и пять косточек персиков, что он взял в дорогу, были бережно сохранены ещё с лета. По идее он мог вырастить как минимум пять сортов яблонь, четыре сорта груш, айву, абрикос, персик, три сорта слив, вишню, черешню и минимум четыре сорта винограда. Ещё у него было несколько банок клубники, протёртой с сахаром, и он даже отобрал семена, хотя на то, что они взойдут, надежды было мало, это ведь не семена табака, который он тоже намеревался посадить только для того, чтобы пускать его на изготовление экологически чистого ядохимиката для борьбы со всякими садово-огородными вредителями, если они уже завелись в каменном веке.

Если из этой затеи что-нибудь выйдет, то он сможет посадить на своей латифундии знатный сад и виноградник. Все семена он продержал две недели на холоде, благо сильных морозов не было, а сегодня утром торжественно высадил в белые аккуратные горшочки и расставил их на большой полке, подвесив над ней сразу четыре лампочки. Ещё он высадил в десять горшков побольше семена лимона. Вот как раз о них он даже не беспокоился. В их квартире лимонные деревца росли в каждой из трёх комнат и на кухне по три-четыре штуки уже не один десяток лет подряд, и Митяй научился за ними ухаживать ещё в детстве. Впрочем, обо всём, что нужно делать на даче, он тоже знал не понаслышке, а потому, подкладывая Крафту в миску ещё один большой кусок варёной оленины, сказал, широко улыбаясь:

– Хотя тебе, Крафтуля, все эти яблоки-груши нужны как хвосту репейник, сад у меня получится славный. Да и огород тоже. Понимаешь, парень, хоть я и завалил оленя и трёх свиней, да и дальше буду продолжать охотиться, всё же стану делать это не слишком часто. Куда проще разводить скотину дома, на своём подворье. Коз, муфлонов, свиней, коров. Животноводство, брат мой, как и земледелие, великая штука. Фазанов ещё можно завести, тогда я смогу яичницей иной раз позавтракать.

Митяй, выпив ещё стопарь коньяка, долго рассказывал псу о своих планах, а они у него были грандиозными. Однако более всего он мечтал найти первобытных людей, и не каких-то там неандертальцев, а его рода-племени. Желательно несколько молодых девушек, чтобы обзавестись своим собственным племенем, а ещё мечтал приручить лошадей и найти для Крафта несколько подруг, чтобы тот тоже не скучал. Да, планы у него были, конечно, ещё те, но Митяй тем не менее говорил псу:

– Понимаешь, Крафт, для меня сейчас самое главное – это как только Туха встанет, навеести через неё мост, а ещё лучше паромную переправу, но для этого нужен толстый канат, да и на Гольшке брода я так и не нашел, очень уж она глубокая. За Пшехой хоть и невысокие, а горы. Там мне пока что особенно делать нечего, а вот по левому берегу, между Пшишем и Тухой, знатная долина простирается. Вот там-то я людей, скорее всего, и смогу найти, а то скучно мне одному, тоскливо. Без женщины, Крафтуля, никакой дом не в радость, но сначала я всё-таки построю на нашем с тобой холме большой и светлый кирпичный дом в два, а то и

в три этажа, да ещё с подвалом. Вот в него-то я девчонок и наведу целую толпу. Мне же тут никто не запретит хоть двадцать жён иметь, но начну я всё же с одной, и станет она в этих краях царицей, друг мой лохматый, а я, стало быть, стану при ней царём. – Крафт почему-то радостно залаял и даже не поленился облизать бородатую физиономию хозяина, что тому понравилось, и он добавил: – Да, Крафтуля, я стану царём и учителем людей, а ты царём всех здешних собак, и тогда мы оба заживём, брат мой лохматый, по-царски, и хрен с ним, с этим двадцать первым веком. Всё равно мы его теперь только в телике, по видуку увидим, но тебя же он вообще не интересуется, Крафтуля.

Небритый царь посидел за обеденным столом ещё с полчаса и стал прибираться. Вытерев стол и помыв посуду, Митяй налил себе большую чашку кофе, им он баловал себя очень редко, точнее, пил всего лишь в пятый раз, хотя и имел вполне приличный запас гранулированного. Вместе с кофе он поставил на стол ноутбук и положил рядом кейс с дисками. Имелся у него также струйный принтер с запасом картриджа к нему, а также несколько пачек фотобумаги, пять пачек обычной бумаги для принтера и ксерокса, цифровой фотоаппарат и видеокамера, но пока что он не сделал ни одной распечатки, хотя и отснял немало снимков и видеофильмов. Все изображения и видео он хранил на диске внешней памяти, понимая, что такая лафа долго не продлится, лет шесть-семь максимум, пока ноту не придёт полный кирдык. Пока что он решил с его помощью разработать проект будущего дома. Все необходимые строительные материалы у Митяя под рукой имелись, и потому, прекрасно отдавая отчёт, что может себе позволить, а чего нет, он не спеша приступил к работе и уже очень скоро погрузился в неё с головой, и его фантазия заработала на всю катушку.

Через пять дней проект был готов, и вместо обычного дома у него получился самый настоящий средневековый замок, окружённый высокой кирпичной стеной. Правда, стену он мог построить позднее, а сначала решил отгрохать трёхэтажную домину с возвышающейся над плоской крышей ещё на два этажа смотровой башней. Дом у него получился простой и незатейливый, имеющий форму куба, да к тому же всего с двенадцатью окнами размером метр сорок на метр сорок, или двадцать четыре окна вдвое уже, плюс по окну на каждом этаже башни. На большее у него просто не хватит стекла. На каждом этаже он решил разместить всего по четыре комнаты, зато они отличались очень большими размерами, пятнадцать на пятнадцать метров, да и сами комнаты имели в плане букву «Г». На каждом этаже он решил устроить по холлу размером семь на семь метров с лестничным маршем посередине. По всем четырём углам холла на всех трёх этажах он надумал установить печи с соляровыми форсунками.

Митяй сделал все расчёты и широко улыбнулся. Если он приступит к строительству дома завтра, то сможет въехать в него уже в октябре следующего года, и при этом управится с огородом и всеми посадками. В том, что ему удастся построить такой большой дом, его убеждало только одно обстоятельство. Когда он ездил в лес, чтобы свалить на зиму два десятка берёз, то нашёл рядом с ними десяткачетыре огромных высоченных лип, а липа прекрасно шла на изготовление балок, но липы ему нужно было спилить немедленно, чтобы они высохли к лету. Поэтому он решил прервать «отпуск» и отправился в мастерскую. Ему срочно требовалось изготовить большие сани, чтобы перевозить липовые брёвна длиной в восемь метров, чем он и занялся.

Через четыре дня, взяв с собой всё необходимое, Митяй запер землянку, сел за руль и поехал к Северным воротам. Советский дизель на соляре каменного века не чихал и не стрелял, работал ровно и мощно, ничуть не хуже, чем на той, под которую его заточили. С такой солярой движка хватит лет на двадцать, главное – не насилуй его и только масла доливай, а вот его-то у Митяя было не так уж и много в запасе. Правда, оставалась надежда на то, что он начнёт добывать нефть выше по течению, где та была гораздо темнее, и если как-то сумеет очистить мазут песком и углем до нужной кондиции, то получит масло, а ещё он надеялся, что

положение спасёт военная кобальтовая присадка к маслу, которая, как ему говорили, резко улучшает качество любого масла чуть ли не в разы и увеличивает пробег двигателя.

Собираясь в горы всего на каких-то четыре года, Митяй запасся лет на десять всем, что только влезло в Шишигу, выносливую, словно верблюд, а влезло в неё всякой всячины, нужной отшельнику, на удивление много. Тем более что очень многое ему выдали со склада практически на халяву. К запасливости его приучила африканская командировка. Там им вечно чего-нибудь не хватало, зато сейчас он уже ни о чём не жалел.

Больше всего ему повезло с туалетной бумагой. С её помощью он умудрился продлить срок службы воздушного фильтра, хотя их у него имелось в запасе несколько штук. Думая о том, как всё-таки хорошо, что Африка приучила его к кулацкому образу жизни, Митяй зорко поглядывал по сторонам, чтобы не нарваться на шерстистого носорога, от них ему уже пришлось пару раз отрываться. Впрочем, сюда эти злобные гиганты особо не забредали, да и вокруг шастало их мало, не больше пяти-шести штук. До липовой рощицы он доехал быстро – липы, на его счастье, росли с краю, – остановил машину и внимательно огляделся вокруг. Похоже, что никаких опасных хищников поблизости не наблюдалось. Он выбрался из машины, достал из будки бензопилу, загнал Крафта в кабину и, сбросив тёплую куртку, принялся валить липу, имевшую больше метра в диаметре. Теперь Митяй управлялся с бензопилой как заправский лесоруб, работающий на лесоразработках в горах, только там парни валили буки, имеющие в диаметре метра по три. Он так увлёкся работой, что не сразу обратил внимание на остервенелый лай Крафта.

Мигом почувствовав неладное, Митяй отбросил бензопилу в сторону и круто развернулся, одновременно перебрасывая из-за спины уже взведённый и стоящий на предохранителе помпарт, что и спасло ему жизнь. Из леса на него мчался огромными прыжками громадный махайрод. Да, африканская командировка на самую настоящую войну пришлась Дмитрию Мельникову очень кстати. В Африке, в жарких и пыльных пустынях Сомали, он очень быстро научился стрелять тотчас, как только увидит что-то непонятное и странное, метко шмаляя из крупнокалиберного «корда». Пуля у его «ремингтона» была побольше диаметром, чем у «корда», да и весила сорок три грамма, а лейтенант запаса Мельников, частенько выхватывающий свой «ремингтон» из-за спины просто так, чтобы лучше чувствовать оружие, выстрелил мгновенно и очень точно. Пуля угодила в сердце хищной кошки, и та рухнула в снег всего в пятнадцати шагах от Митяя. Даже не слыша, а просто чуя ещё одного зверя, он повернулся ко второму махайроду, мчавшемуся на него с другой стороны, но с некоторым отставанием. Эти три-четыре секунды и спасли ему жизнь. Он успел перезарядить «ремингтон» и выстрелил очень метко, попав хищнику прямо в правый глаз. Пуля-турбина буквально разворотила тому заднюю часть черепа.

Однако метрах в шестидесяти он увидел ещё трёх махайродов и, прицелившись сначала в самого крупного, вlepил ему пулю точно в грудь. Если второй махайрод откинул свой короткий рысий хвост практически беззвучно, то первый и третий взревели перед смертью так, что перепугали, наверное, даже шерстистых носорогов, не говоря уже о мамонтах. Третьим выстрелом Митяй, похоже, пришил вожака, иначе с чего бы это даже не два, а целых пять махайродов истерично взвыли и рванули наутёк. Только после этого он повернулся и посмотрел на двух ближних убитых махайродов. Это оказались матёрые здоровенные самки размером с современного льва, но более массивные и крепко сбитые. Саблезубые тигры в действительности были гораздо ближе ко львам, а потому у самцов имелась пусть и довольно короткая, но всё же грива.

Немного подумав, Митяй не стал ничего делать с хищниками, освежевать их он мог и позднее, ночью, а потому подобрал и засунул в карман стреляные гильзы, перезарядил «ремингтон», забросил его за спину стволом вниз и снова взял в руки бензопилу, прекрасно понимая, что махайроды скорее утопятся в Тухе, чем вернутся сюда. Через пятнадцать минут

липа с треском крякнулась на землю, и он принялся отпиливать раскидистые и толстые ветки. В итоге у него получилось четыре прекрасных прямых брёвна – два толстых и два потоньше.

Орудя лебёдкой, он загрузил брёвна на сани и в сумерках вернулся домой, не забыв затащить лебёдкой на брёвна махайродов. Дома, закатив брёвна на сосновые лаги, чтобы те хорошенько проветривались, Митяй принялся вытряхивать дохлых махайродов из роскошных шуб. мех махайрода оказался замечательным, золотисто-рыжим, с вытянутыми тёмно-коричневыми пятнами. Невероятно мощные, они весили более трёхсот килограммов и имели длину за два метра, но больше всего Митяя поразили их саблевидные клыки. Когда говорят – двадцать сантиметров, это кажется немного, пока не увидишь клыки махайрода. Правда, у этих трёх особей они оказались даже длиннее, у двух самок по двадцать одному сантиметру, а у вожака – целых двадцать три. Первым делом отважный охотник отрезал махайродам их не шибко умные головы – нашли, блин, с кем связаться, с Крейзи Шутером, – и вытряхнул из них мозги, которые Крафт с удовольствием съел. А затем, освежевав громадные туши и попробовав, что собой представляет на вкус мясо, оттащил его на ледник. Сгодится не ему, так в крайнем случае Крафту. Туда же он снёс и печёнку, а потроха сбросил в Пшеху на корм ракам.

Провозившись чуть ли не до полуночи, Митяй изготовил из голов самок-охотниц два украшения для вездехода, а голову вожака засолил, чтобы впоследствии изготовить из неё себе шлем царя всея Кавказа и его окрестностей, решив стачать из огромной шкуры себе мантию и украсить её когтями. Только после этого, искупавшись и замочив одежду в горячей воде с золой и малым количеством стирального порошка, он завалился спать.

В восемь утра он уже был на ногах, а вскоре, позавтракав, снова отправился на лесоповал, справедливо полагая, что головы махайродов отпугнут всю прочую живность, но они, наоборот, привлекли к себе воронов, и только треск бензопилы не позволил им их склевать. Видно, махайроды чем-то досадили даже этим огромным чёрным птицам. На лесосеку Митяй ездил две недели подряд, после чего сделал небольшой перерыв, встретил Новый год, откупорив бутылку шампанского, потом вылакал бутылку водяры ёмкостью ноль семьдесят пять литра и, не раздеваясь, рухнул в постель, но наутро проснулся без головной боли и, хотя этого ему совершенно не хотелось, вооружился лопатами и отправился на холм готовить строительную площадку.

Снега выпало немного, всего сантиметров двадцать, особых морозов не было, температура не опускалась ниже минус семи, в общем, зима оказалась довольно мягкой, даже реки толком не замёрзли, а потому ничто не мешало ему землепашествовать, по-другому он никак не мог назвать рыхление земли плугоциклом и её последующее выгребание мотоциклозером. Во всяком случае, Митяю не приходилось отогревать грунт паяльными лампами, и он довольно быстро снял слой плодородной почвы и даже перевёз его на место будущего огорода и там высыпал, перемешав с вулканическим пеплом. Удобрение, однако. Так он подготовил строительную площадку размером пятьдесят на пятьдесят метров, перевезя на Ижике с тележкой добрых тысячу двести пятьдесят кубометров грунта, после чего принялся механизированным способом рыть яму размером тридцать пять на тридцать пять метров и глубиной в полтора. Хорошо, что известняк в этом месте более всего походил на крупный щебень, осень выдалась сухой, и потому он не смёрзся в ничем не разбиваемый монолит. Так что Митяй с раннего утра и до поздней ночи катался туда-сюда на мотоцикле и лишь изредка орудовал ломом, киркой и лопатой. Через полтора месяца котлован был готов. После этого он отобрал, обжёг и даже погасил чёртову прорву извести, сбив из досок, прямо рядом с котлованом, известковую яму, и, хотя работал не вручную, всё равно к концу этой работы до жути возненавидел кирку, лом и обе лопаты. Зато сделался раза в два сильнее прежнего и окончательно бросил курить, хотя куревом запасся так же основательно, как и всеми прочими припасами.

Польза от земляных работ такой бешеной интенсивности, когда ему часто приходилось соскакивать с мотоцикла и брать в руки кирку или лом, была налицо, а потому, как только

Митяй принялся в начале марта завозить на стройплощадку галечник и песок, то сразу же обратил внимание на то, что вообще перестал уставать от работы, на этот раз от куда более тяжёлой. Между делом, перерываясь на день-другой, он выковал лемех и изготовил новый колёсный мотоплуг, присобачив к нему мотоцикл со снятым с него передним колесом, вспахал огород площадью в добрых пять гектаров и засеял его всеми теми семенами, которые у него имелись в наличии. Работу на огороде Митяй вообще считал за отдых, тем более что растения, грубо говоря, пёрли из земли как бешеные, особенно топинамбур и картошка. К его огромной радости, проросли практически все семена фруктовых деревьев и винограда, не говоря о лимонах – в тех он вообще не сомневался. Даром, что ли, его младший брат Вовка опылял их вместо пчёл вручную – маленькой беличьей кисточкой? Однако высаживать саженцы в грунт он не торопился, а лишь намеревался выставить их, когда станет теплее, на свежий воздух и солнышко, чтобы позднее, уже осенью, пересадить в горшки побольше.

В общем, всё у Митяя ладилось, да и количество строительных блоков – а он изготавливал не обычный кирпич, а пустотелый, крупноблочный, – тоже быстро росло, как рос фундамент дома, который он не выкладывал обычным способом, а заваливал – бутыл опалубку крупным галечником и густым известковым раствором, что значительно ускоряло работу. При этом Митяй ещё и отбирал и откладывал в сторону гематит, и того набралось уже тонн десять, что очень радовало. Правда, крутиться ему приходилось как белке в колесе. Сначала молодая редиска, затем огурцы и помидоры, лук и чеснок, не говоря уже о различной зелени, постоянно держали его в тонусе, и потому строительство дома продвигалось быстро. Чтобы не уродоваться лишней раз, таская воду из реки, он всего за неделю сладил пусть и грубое, но зато надёжное водяное колесо-норию большого диаметра с двенадцатью дубовыми бадьями, построил деревянный акведук, и вода сама потекла прямо к краю строительной площадки, а потом от неё, самотёком, по деревянным лоткам в огород. Так что ему только и оставалось, что время от времени направлять её в нужное русло.

Да, лебёдка Шишиги, дизель-генераторы мощностью в шесть и десять киловатт, надёжные бензопилы с прочными цепями, электрическая циркулярка с электрофуганком, болгарка и мощная здоровенная электродрель его здорово выручали. Особенно помогало Митяю сверло диаметром в тридцать шесть миллиметров с проточенным под патрон дрели хвостовиком, позволявшее строить мощные деревянные конструкции, но самое главное – у него не было недостатка в соляре, и каждую ночь он по-прежнему сжигал излишки нефти, объезжая латифундию на вездеходе по периметру, а потому зверьё к нему по ночам не навещалось. Ну а он по большей части сидел на рыбной диете. Ездить на охоту ему было некогда, и максимум, что он мог себе позволить, так это раз в три дня порыбачить час-полтора, чего обычно вполне хватало. Рыбы в Пшехе водилось прорва, и это была не одна только форель, но ещё и усач, голавль, судак. Рыба по три раза на день пока его полностью устраивала, ведь к ней прилагалась ещё и красная икра, из которой он даже жарил котлеты, смешивая её с рыбным фаршем. В общем, спать голодным ему не приходилось, а вскоре подошла и молодая картошечка, так что всё шло путём.

Когда Митяй ещё раз ездил на Асфальтовую гору за асфальтом, чтобы заасфальтировать двор крепости и полы в подвале, то снова повстречался с шерстистым носорогом, и тот, то ли увидев головы махайродов, то ли учуяв их запах, хрюкнул, развернулся и, крутя хвостом, бодрой рысью помчался по своим делам в лесостепь. Между тем в районе Асфальтовой горы Митяй как-то раз увидел огромного матёрого пещерного льва и сразу же понял, кто в этих краях прокурор. Эта зверюга со светлой желтовато-серой шерстью не уступала размером невысокой лошади, вот только была куда мощнее. Посмотрев на опасного красавца в бинокль, он пожелал ему долгих лет жизни и счастья, заодно мысленно посоветовав держаться подальше от Крейзи Шутера, который шуток не понимает и потому очень метко стреляет навскидку. После той поездки в начале лета Митяй уже больше ни на что не отвлекался и к концу августа вывел

дом под крышу и даже возвёл на ней двухэтажную башню, после чего принялся ударными темпами настилать перекрытие верхнего этажа, пустив на это толстые липовые доски, ошпунтованные только с одной стороны.

Липой почему-то брезгует жук – вредитель деревянных построек, шашель, и это дерево с каждым годом делается всё прочнее и прочнее, так что лучшей древесины на балки, как ни пытайся, всё равно не найдёшь. Из липы же Митяй намеревался изготовить оконные рамы и коробки. Она не подвергалась короблению, а высыхая, не давала большой усадки, не говоря уже о том, что обрабатывать её было не в пример легче, чем сосну. Ну и к тому же липы в лесу росло много. Ещё липа дала ему много лыка, и потому уже очень скоро он мог замочить его и начать вить верёвки и канаты, которых ему так не хватало. Имеющиеся капроновые репшнуры Митяй берёт как зеницу ока. Вместе с тем у него знатно уродился лён, над которым он трясся куда больше, чем над помидорами, огурцами, болгарским перцем, баклажанами, кабачками, тыквами и арбузами. Сначала, собрав все льняные семена до единого, он выдергал его и разложил сушиться строго по рецепту, вычитанному в электронной энциклопедии.

Вообще-то ноутбук, и особенно диски с самой различной информацией, вырвали его очень сильно, и Митяй, отличавшийся от многих других людей его возраста тем, что руки росли у него оттуда, откуда надо, а не из задницы, смело брался за любое начинание, но сначала всё-таки внимательно читал имеющуюся у него справочную литературу.

К концу сентября уже второго года своего пребывания в каменном веке Митяй, можно сказать, построил дом и даже остеклил все двадцать четыре окна на всех трёх этажах и два окна в башне, навесив на них мощные дубовые ставни. На верхних этажах окон было даже больше, так как две северные комнаты на первом этаже он решил отвести под склад и не стал их остеклять. Правда, жить можно было только на первом этаже, да и то всего лишь в одной комнате, размещавшейся в правом углу, а если точнее, то в трёх, так как он разделил эту загромождённую комнату деревянными перегородками на три смежные комнаты. Только в них имелись потолки. Всё остальное можно было достраивать и отделывать по мере необходимости хоть до морковкина заговенья. Главное, у него теперь имелись громадный, полностью перекрытый подвал, три комнаты с одной печной трубой, к которой он в любой момент мог пристроить печи, и время на то, чтобы спокойно заняться уборкой урожая, хотя некоторую его часть он уже собрал и даже насолил на зиму огурцов, помидоров, наварил приправ и всё это закатал пусть не в стеклянные банки, но зато разлил по большим белым горшкам, закупорил их крышками и для вящей герметизации залил парафином.

Парафина Митяй собрал из нефти минувшей зимой чёртову прорву, ведь он застывал первым и его было легко собирать. Хорошенько проварив парафин, он выпарил из него бензин, и тот сделался пищевым, то есть совершенно не вонял ни бензином, ни соляной кислотой, а это главное. Хотя парафина он собрал не так уж и много, всего каких-то двести килограммов, он наделал керамических светильников, залил в них парафин и теперь везде, куда ни пойдешь, мог в любой момент зажечь сколько угодно этих долгоиграющих свечек, которые не воняли керосином. Так что он уже не рисковал налететь в темноте на какую-нибудь полку, расшибить себе голову, но что самое неприятное – разбить что-нибудь ценное и очень нужно. Да, свет – великое дело, особенно в каменном веке. Со светом человеку живётся куда легче, особенно зимой, когда на дворе темнеет рано, а светает поздно. Правда, из-за этого спал он не больше восьми часов, а всё остальное время работал как каторжный, чтобы не пришлось зимой хвататься то за голову, то за задницу, то ещё за что-нибудь. Это, конечно, враньё, что летом один день весь год кормит, но действительно, если летом не поработаешь, то зимой сложишь зубы на полку и удавишься с голодухи.

До сих пор всё складывалось у Митяя просто шикарно, как он сам неоднократно говорил Крафту. Одно его волновало – где бы раздобыть соли. Пока что её вполне хватало, ведь он употреблял соль только в пищу, да ещё заготовил солку на зиму, но ведь рано или поздно он

найдёт себе подругу, и, возможно, не одну, а побольше, побольше, пойдут дети, и ему придётся заготавливать на зиму много припасов. В общем, при одном только взгляде на солонку у него начинала болеть голова. Смотреться за солью на море было парой пустяков, поехав туда с тремя тоннами солянки, он за один раз привезёт оттуда три тонны соли как минимум, да вот беда: на кого оставить хозяйство? Он знал, что в Ставропольском крае есть солёные озёра, одно в Красногвардейском районе, другое и того ближе, но как знать, куда добраться легче. Впрочем, если смотреться на Солёное озеро, то там ведь можно будет просто собирать соль на берегу лопатой, а реки ведь ему так и так придётся форсировать, а они из-за таяния ледника в горах в каменном веке были ох какие полноводные и представляли собой самую большую проблему.

В любом случае нужно было подумать о надёжном стороже, и Митяй, усмехнувшись, подумал: «Посадить, что ли, на цепь парочку махайродов во дворе?... Так их же кто-то должен будет кормить!» С такими мыслями, позавтракав, он снова отправился на галечник собирать камни для фундамента кирпичной ограды вокруг крепости. Точнее, его дом станет крепостью тогда, когда он построит вокруг него стену хотя бы семиметровой высоты, к которой пристроит все надворные постройки.

Сначала он хотел расширить двор раза в три, но потом плюнул на это и решил, что ему вполне хватит добавить к нему по пять метров с каждой стороны, а скотный двор лучше пристроить сбоку. Приняв такое решение, он быстро снял и перевёз на огороды плодородную почву и вулканический пепел, после чего пропахал канаву шириной в полтора метра и глубиной всего в полметра. После этого он принялся завозить с галечника камень и вскоре принялся бутить ленточный фундамент. За две с половиной недели он поднял его заподлицо с уровнем двора, а потом ещё на полметра в опалубке. Поначалу фундамент на известковом растворе не имел большой механической прочности, хотя и был способен держать вес трёхэтажного дома, а не то что стены, но со временем он превратится в известняк и тогда станет даже прочнее, чем бетон. Дав раствору схватиться, Митяй сделал асфальтом поверху и по бокам фундамента гидроизоляцию и принялся не спеша поднимать крепостные стены.

В работе ему очень помогало то, что раствор за него снова мешал многострадальный Ижик, который, кажется, к этому дню уже разучился ездить. Зато его дубовая растворомешалка на полтора куба позволила быстро возвести фундамент. После этого Митяй принялся строить стену вокруг дома и попутно квадратный скотный двор размером шестьдесят на шестьдесят метров, но ему предстояло стать им только будущей весной, причём скотным двором-яслями.

Убрав урожай, Митяй установил для себя строгий график работ: с утра и до обеда он формовал кирпичи и закладывал их на просушку; потом быстро вынимал из печи готовые и уже остывшие до вполне приемлемой температуры кирпичи; пока те полностью остывали, разводил стену вокруг дома и скотного двора; после этого сажал в печь следующую пару сотен кирпичей и врубал все форсунки. При этом вечером он ещё и успевал смотреться на свою нефтяную базу, привезти нефти, поставить её отстаиваться, затем доливал в камеру нагрева хорошо отстоявшейся нефти, перед этим аккуратно сливая её в чистые, сухие, в смысле – без воды, посудыны, а остатки сжигал, хотя ему это и не нравилось. Экология, понимаешь ли, страдала, но он с этим пока что ничего не мог поделать и потому лишь разводил руками и горестно вздыхал, говоря, что так будет не всегда.

Спать Митяй ложился не раньше одиннадцати, а в пять утра, ещё до того, как зазвонят будильники, большой, чуть ли не с колоколами громкого боя, и наручный, в часах модели «Командирские», уже вскакивал как ошпаренный, и так длилось до тех пор, пока он не поднимал стену на три метра. Однако и после этого он не утомился, хотя и взял себе «отпуск» на целую неделю, и всё это время рыбачил. Лосось снова пошёл на нерест, а минувшая зима показала, что его здоровенная землянка с потолками высотой в четыре метра представляет собой идеальный склад для хранения продуктов на льду, и поэтому он полностью обложил её

стены кирпичом, оштукатурил, наделал стеллажей, ящиков и теперь через каждый час, а то и сорок минут возил в ледник полную тележку потрошёной, обезглавленной рыбы и ёмкости с красной икрой. На этот раз он решил засолить икры побольше. Митяй любил красную икру и трескал её с удовольствием, особенно с варёной картошечкой. Между тем он твёрдо решил, что пусть и не на следующее лето, но ещё через год он наизнанку вывернется, в игольное ушко пролезет, но обязательно смотается в Ставропольский край за солью. Хотя Митяй уже полностью переселился в каменный век, он всё равно ещё мыслил категориями века двадцать первого, в котором бесследно сгинул Дмитрий Мельников, ну а чтобы не думать об этом, загружал себя работой так, чтобы, едва дойдя до кровати, тут же уснуть.

Вообще-то работа стала для него самым лучшим средством психологической разгрузки, позволяющим не сойти с ума или не надраться однажды в лоскуты и потом взять и не застрелиться с тоски. Что ни говори, но он в этом чёртовом каменном веке был один-одинёшенек и прекрасно понимал, что даже какая-нибудь местная супермодель не решит его проблем, ведь она, скорее всего, окажется настолько отсталой в своём умственном развитии, что трахать её окажется то же самое, что и шимпанзе. Так не проще ли тогда просто взять и завести себе козу? Ту, которая с рогами. Что одно, что другое будет чистой воды зоофилией. Ведь всем этим троглодитам каменного века – хотя кроманьонцы, если верить учёным, биологически ничем не отличались от современного человека – до его уровня ещё развиваться и развиваться. Поэтому даже если он и наловит в этих краях людей и заселит в свой дом, ничего хорошего из этого всё равно не выйдет, он будет окружён недочеловеками. От таких мыслей, а они посещали Митяя часто, ему становилось не просто грустно, а по-настоящему тошно, и он был готов выть от тоски, обиды, негодования, а иногда и ужаса.

Единственное, что его спасало, так это работа – в ней он находил, как это ни странно, отдохновение от тяжких мыслей. Работа наполняла его жизнь смыслом и в то же время доставляла радость, ведь он занимался созидательным трудом, а не пустым ворочанием камней на каторге. Каждый день Митяй достигал какого-то пусть маленького, но успеха, и даже если у него что-то не получалось так, как нужно, то он не расстраивался, а старался извлечь урок из своей ошибки, чтобы в следующий раз не повторять её. Поэтому он всё старался делать на совесть, даже довольно простой и неказистый дом в три этажа. Он стоял на высоком фундаменте с вентиляционными оконцами полуподвала, забранными снаружи деревянными жалюзи и закрытыми изнутри прочными ставнями. Потолки в нём были высокими, в четыре метра. Перед входом стояло просторное и высокое крыльцо с навесом от дождя, крытое светлой черепицей. Сам же дом был облицован светлым, похожим на тёмную слоновую кость, матово блестящим на солнце кирпичом. Поверху Митяй сложил из кирпича зубчатый парапет, окна закрывались массивными дубовыми ставнями, которые он мечтал украсить какими-нибудь геральдическими накладками, а ведь ещё над домом возвышалась стройная башня. В общем, дом получился у него, как это ни странно, очень красивым, несмотря на всю простоту архитектурного решения, а может, ему это только казалось.

Хотя Митяй не завершил строительства дома – отделочные работы вести и вести, – он уже сейчас им очень гордился. Это было его первое монументальное творение, и он построил его мало того что один, так ещё и в рекордно короткие сроки – менее чем за год. Да, домину он себе отгрохал громадную, а потому чувствовал себя в своём собственном доме всё-таки несколько неуютно и потому часто задавался такими вопросами: «Митяй, оно тебе было надо? На фига такие масштабы? Кого ты этим хочешь удивить или поразить? Ведь здесь же нет никого, кто сможет оценить твои труды по достоинству!» И после минутного колебания отвечал сам себе такими словами: «Нет, старичок, только так и не иначе! Если уж что-то делать, то на совесть, чтобы не было противно от того, что тут недоделано, а тут и вовсе косячина получилась. Я же всё это для себя делаю, мне и оценивать качество сделанного. Самого же себя не обманешь. Это тебе не шабашку на скорую руку слепить, когда на их умишку и этого будет лишку. Тут нужно

делать всё качественно и на совесть». От таких размышлений и разговором с самим собой, а гораздо чаще с Крафтом, всегда находившимся рядом, Митяю становилось легче на душе, и он уже не помышлял о том, чтобы пойти и где-нибудь удузиться с тоски. Так что созидание стало для него практически единственным смыслом жизни.

Пока доисторический Робинзон без Пятницы, но с лохматым другом строил дом, он не забывал то и дело оглядываться и довольно часто рассматривал окрестности в бинокль, поскольку полагал, что строительство и огни, горящие по ночам, должны привлечь внимание людей. Увы, пока что этого не происходило. Хотя, с другой стороны, людей ведь в каменном веке на Земле жило очень мало, и они были рассеяны по огромным пространствам планеты. Это была ещё одна причина, по которой он так и не сел до сих пор в Шишигу и не отправился на поиски людей. На это могли уйти годы, и ещё не факт, что удача улыбнётся ему.

Разыскать людей быстро Митяй смог бы только с воздуха, но на строительство автожира у него точно никогда не хватит духу. Его просто не из чего было строить, ведь помимо лёгкого мотора большой мощности требовались лёгкие авиационные материалы. В первую очередь дюралюминий, а его взять было и негде, хотя алюминия под ногами валялось очень много в виде самой обыкновенной глины, а это уже электрометаллургия. Увы, но его потолком была самая примитивная, китайского образца, домна для выплавки чугуна, а также простой мартен для того, чтобы выжигать из чугуна лишний углерод, но и для этого требовалась очень мощная воздуходувная машина, и запасным движком от Шишиги здесь точно не обойдёшься, да тот и не сможет работать несколько суток в таком адском режиме.

Поэтому Митяй пока что занимался рыбной ловлей, солил икру на зиму и мало-помалу обдумывал, как бы ему половчее извернуться и без лишних хлопот построить домну. Выходило так, что без хлопот было точно не обойтись, ведь помимо домны нужно иметь модельный цех, хотя это и пустяки, мощные огнеупоры на футеровку, огнеупорные формы для литья чугуна и стали, механический цех для обработки отливок, кузницу, печи для отжига чугуна и ещё много чего другого. Тем не менее он не отчаивался, когда начинал представлять, сколько проблем из-за этого появится.

Решать проблемы сделалось для него делом привычным и в известной степени обыденным. Он только тем и занимался, что решал их ежедневно с раннего утра и до полуночи. Для Митяя было куда удивительнее, если бы все проблемы исчезли разом, но для этого ему нужно было либо застрелиться, либо повеситься, а он не желал делать ни того, ни другого. Зато рыбная ловля его здорово успокаивала, и он с азартом выуживал из реки одну здоровенную рыбу за другой и время от времени клал спиннинг на траву для того, чтобы вспороть лососям и форели брюхо, вынуть икру или попросту выпотрошить, отрубить головы и свезти очередную партию рыбы в ледник.

Глава 4

Митяй осваивает профессию металлурга

Проведя неделю у реки, Митяй здорово отдохнул, но самое главное, наконец полностью свыкся с мыслью, что берег реки и здоровенный, сверкающий на солнце кирпичный дом за его спиной, окружённый трёхметровой тёмно-коричневой стеной, – это уже навсегда и никакой другой жизни у него теперь не будет. Поняв это, он вдруг удивился, что не испытывает никакой грусти. Да, он царь Кавказа, да что там Кавказа, всего мира, хотя о его существовании никто из подданных даже не подозревает, и это неоспоримый факт, а потому горевать ему незачем. Нет, местные хлопцы, возможно, видели с горогни на Нефтяной реке и даже разглядели его дом, он ведь очень ярко выделяется на фоне зелени, но вряд ли они догадываются о том, кто он такой. К ним он уже относился как к своим детям и даже знал, что ему нужно будет делать через какое-то время – строить большой город и учить их всему тому, что знает сам. Не всех, конечно, а тех, кто согласится принять над собой его власть, и не сразу, а только после того, как вырастут его собственные дети, сыновья и дочери, а их он должен оставить после себя очень много и воспитать так, чтобы они никогда не враждовали между собой. Даже после его смерти.

Когда-то очень давно Митяй прочитал фантастический рассказ про путешественников во времени, и в нём один из хрононавтов случайно раздавил бабочку во времена динозавров, из-за чего вроде бы наступили чудовищные последствия. Этот рассказ глубоко запал ему в душу, хотя и не слишком запомнился, но сейчас он плевать хотел на то, что своими действиями погубит будущую цивилизацию. Раз уж Господа Бога так раскорячило, что тот позволил ему оказаться в каменном веке, то пусть пеняет на себя. Все свои знания Митяй передаст людям этой эпохи, какими бы они ни были, пусть даже полными уродами, и сделает всё, чтобы сбереечь природу этого мира и не допустить вражды между людьми. Поэтому первое, что он станет делать, – это начнёт учить их животноводству и хлебопашеству. Картошки он выкопал до хренища, полподвала завалил. Клубней топинамбура тоже выросло до черта, но так он на том же месте, а Митяй посадил его грамотно, валками, снова даст офигительный урожай. Всю зелёнку он уже скошил, порубил и заложил на силос, так что зимой и весной обязательно скормит любую половину кабанам в обмен на поросят, а остальным станет кормить полосатых хрюшек, чтобы потом не охотится на них бездумно, а выращивать, как домашнюю скотину.

Точно так же он собирался приручить коров, причём сделать так, чтобы те не паслись на лугах, а жили в замкнутом пространстве, имели возможность гулять на свежем воздухе, но полностью зависели от человека. Вряд ли они будут давать много молока, но ведь корова – это не человек, её к быку можно подводить уже в возрасте двух лет, а потом всё будет зависеть только от селекционной работы со стадом.

Самыми необходимыми для него в настоящее время являлись мальчики и девочки в возрасте не старше четырёх-пяти лет, а также молодые девушки лет шестнадцати-семнадцати, которых он сможет влюбить в себя до беспамьятства и заставить подружиться. Митяй даже решил, что больше четырнадцати жен заводить не стоит, не успеет полюбить хотя бы пару раз в месяц каждую, но лучше всё же остановиться на семи-восьми плюс иметь каждые два месяца новую наложницу, чтобы потом выдать её замуж, а для этого ему нужно срочно наладить выплавку железа. На железные топоры, ножи и наконечники для копий он сможет выменять у местного населения сколько угодно девушек, ну а то, что они окажутся не так умны, как хотелось бы, так и чёрт с этим. Дурь из них он в любом случае выбить сможет. Навыки есть, и немалые. У него во взводе такие ухаи служили, что после них кто угодно паинькой покажется, даже конченная дура.

Да, теперь все его мысли были только о железе, чугуне и стали. Гематита в галечнике хватало, он даже нашёл в нём несколько кусков самородной меди общим весом в три пуда, а выше по течению его могло быть и больше. Такие горные реки, как Пшеха, текущие на протяжении многих десятков километров, были самыми лучшими добытчиками полезных ископаемых, а поскольку в Пшеху впадали ещё и реки Цица, Пшехаха, Гагупс и Хахопсе, берущие начало из-под мощного ледника, то в ближайших галечниках были собраны рудные материалы, принесённые туда во время весенних и летних паводков с очень большой территории, а Северный Кавказ весьма богат полезными ископаемыми. Ну а поскольку ему требовалась руда не в огромных объёмах, то даже того галечника, который лежал всего в шести километрах от Южных ворот, ему уже вполне могло хватить, хотя тот и имел в длину всего каких-то семьсот метров, а в ширину от двадцати до пятидесяти. Так что самое время, пока ещё тепло, начать строить маленький металлургический завод.

Сухой липы у него осталось ещё много, и поскольку течение Пшехи, которую он решил переименовать в Марию, в честь своей матери, было быстрым, река ведь горная, то он решил построить металлургический заводик в километре от забора, на высоком холме, чтобы его не смыло паводком. Заодно и поближе к галечнику. Благо там как раз имелся вполне подходящих размеров холм, причём совсем неподалёку от Марии, что и требовалось. Главное же заключалось в том, что холм этот только сверху был зелёным. Под слоем плодородного грунта толщиной всего в метр с хвостиком находились изверженные, плотные лавовые породы, и потому в том месте образовалась широкая, около километра, излучина с высоким берегом, да и глубина реки позволяла установить там мощное водяное колесо. Именно с его строительства Митяй и начал работы, благо строевой лес находился всего в паре сотен шагов. Жаль только, что каменного угля он нигде не нашёл, но зато у него было много жидкого топлива, и он наконец сумел изготовить такую форсунку, которая отлично работала на сырой нефти, отстоявшейся в течение всего каких-то двух суток. Если оснастить её воздушным наддувом, то расход берёзового угля окажется минимальным, а значит, и в чугуне будет меньше углерода, но в любом случае ему придётся изготовить ещё и простейшую мартеновскую печь.

Так или иначе, но начинать нужно было именно со строительства мощной воздуходувной машины, а для этого нужно было соорудить большое водяное колесо, широкое и прочное. Так что первым делом Митяй принялся валить в лесу вековые дубы. Дуб не боится воды, а стало быть, именно из него и нужно изготавливать водяное колесо. Несколько высоких, стройных дубов он спилил ещё год назад, и они уже основательно просохли. Зато на строительство высокой платформы он пустил сосну. Берег в том месте был обрывистым, высота обрыва составляла три метра и, судя по всему, размочит его не скоро.

Как только он разобрался с лесом, то сразу же стал рыть ямы под сваи, и тут выяснилось, что лава оказалась не бог весть какая прочная. Всего за полдня он умудрился пробить в ней по две ямки глубиной в шестьдесят сантиметров и такого же диаметра. Возле самого берега ему пришлось установить в гнёзда дубовые бревна длиной в семь метров и заклинить их камнями, чтобы получились П-образные дубовые опоры, на которые он мог настелить толстые сосновые брусья. Опоры он собирал на земле, а потом поднимал с помощью подъёмного козелка, так что пупка не рвал, предпочитая почаще включать лебёдку, благо соляры было хоть залейся. Несмотря на это, он работал с полным напряжением сил и даже спал в палатке на холме.

Мощное водяное колесо Митяй построил быстро, всего за четыре с половиной недели, но это были ещё те недели. Самым трудным делом оказалось вбить в дно реки четыре опорные дубовые сваи для установки водяного колеса в реке, чтобы оно опиралось на две опоры. Для этого Митяю пришлось построить на берегу такую большую Т-образную эстакаду, чтобы на неё смогла въехать Шишига, и установить на ней ещё и длинную деревянную поворотную стрелу подъёмного крана. Естественно, что поворачивать стрелу ему приходилось вместе с вездеходом, с которого он, для снижения веса, снял металлическую будку и переселился в неё

из палатки. В нём же он установил и оба генератора, кабеля хватало, а к мотоциклу приладил лёгкую деревянную тележку с двумя большими колёсами, чтобы привозить на ней соляру, бензин и прочие грузы. Зато после завершения строительства эстакады дело у Митяя пошло куда быстрее. Он же валил лес и пилил брусья не вручную, а бензопилой. К тому моменту он так наловчился ею работать, что смог бы выпилить из дерева даже троянского коня, а ему в пару троянскую кобылу.

Чтобы водяное колесо диаметром в шестнадцать метров не крутилось понапрасну, Митяй с обеих сторон установил две деревянные стенки, из-за чего ему пришлось нырять в ледяную воду, чтобы прибить их гвоздями к сваям, а перед самым колесом с лопастями шириной в два метра и высотой в полтора – деревянную поднимающую задвижку. Особенно долго ему пришлось повозиться с осью двадцатидвухметровой длины, а ведь их нужно было установить две штуки. Митяю повезло, что год назад он нашёл в лесу несколько высоких, стройных дубов и загодя спилил их, но не стал резать на куски, а оставил сохнуть в лесу, подсунув под стволы дубов брёвнышки и соорудив над ними навесы. Вот теперь они ему здоровогодились. Там же в лесу, орудуя большой Макитой, знатный лесоруб-стахановец изготовил две восьмигранные заготовки, имеющие в поперечнике в восемьдесят сантиметров, приладил к ним колёса, перевёз к месту строительства и поступил очень просто. Колесо с квадратным пазом уже было опущено в воду, но ещё не крутилось, а мирно лежало на двух балках. Пустив в ход длинный рычаг, катки и лебёдку, он заташил первую заготовку оси наверх, подогнал оба конца и с помощью домкрата вставил в квадратный паз водяного колеса. При изготовлении водяного колеса он размечал всё очень тщательно, и поскольку у него имелась в запасе бухточка стальной проволоки, то был полностью уверен, что все окружности получаются идеально круглые, а не яйцеобразные. После этого Митяй намертво законтрил будущую ось длинными дубовыми штифтами и целый день аккуратно скруглял заготовку электрофуганком.

Когда Митяй сделал ось почти идеально круглой, что он проверил заранее изготовленным составным лекалом, то уложи её на четыре полуцилиндрических ложемета метровой ширины и трёхметровой длины, по сути дела на дубовые опорные полувтулки, обильно смазанные мазутом. Их он накрыл такими же дубовыми полувтулками с просверленными в них каналами для подачи смазки, поставив на квадратные штифты, и также зафиксировал дубовыми стояками с обеих сторон и сверху, но пока что не укладывал на них ось, а лишь подготовил всё к этому. На противоположной стороне оси Черепанов каменного века просверлил в торце своим главным, боевым, всегда остро заточенным сверлом отверстие точно по центру, аккуратно расточил его грубой наждачкой и вставил в него стальной кругляк диаметром в сорок миллиметров и длиной в метр, засадив в ось на треть метра. Таким образом у Митяя получился настоящий гребной вал. Его требовалось сделать идеально круглым и сбалансированным, иначе долго ему не прослужит, да и вибрация попросту развалит всю конструкцию, и тогда все труды пойдут насмарку.

На завершающем этапе Митяю пришлось сначала вставить стальную ось в опору, а потом в медную втулку, обильно смазанную мазутом. Самородную медь он нашёл в галечнике, расплавил её соляровой горелкой с воздушным наддувом – воздух гнала опытная, уменьшенная модель деревянного циклона, приводимого в движение мотоциклом, – и отлил квадратную втулку длиной в двадцать пять сантиметров с нужным внутренним диаметром. После этого Митяй поднял задвижку, пустив тем самым воду, и расстопорил водяное колесо, а когда вал начал вращаться, то с помощью длинного направляющего бруса и электрофуганка, пусть и чуть ли не с риском для жизни заменив собою резец токарного станка, за каких-то два часа довёл вал главного привода до идеальной цилиндрической формы. Вся предварительная работа была проделана на совесть, и вибрация была незначительной. В процессе завершающего этапа Митяй ещё и поставил на место все четыре дубовые втулки и намертво законтрил их мощными дубовыми штифтами.

На вал через отверстия для смазки постоянно лился тонкими струйками очищенный смазочный мазут и более толстыми – вода для охлаждения. Скольжение получалось, может быть, и не идеальным, но самое главное, что вал не очень-то и сильно разогревался на опорных подшипниках, охлаждение их водой и смазка мазутом делали своё дело, а потому конструкция не грозила внезапно загореться. Особого биения вала Митяй не заметил, и эта самая сложная и ответственная часть воздуходувной машины, собранная без гвоздей и костылей, не содрогалась, а в дальнейшем, когда у него появится ковкое железо и сталь, её можно будет укрепить и довести до полного совершенства. В любом случае главное заключалось в том, что теперь у него имелся мощный привод, а всё остальное он считал делом техники и полагал, что справится с любой задачей. Так или иначе, но всё у него получилось. Расчёты и разметка оказались достаточно точными, а потому водяное колесо вращалось быстро и мощно, обещающая привести в движение здоровенный циклон, изготовленный из хорошо просушенной липы и пихты.

Дав колесу покрутиться пару суток, а оно за это время окончательно приработалось, и потому исчезли последние вибрации, Митяй опустил деревянную задвижку, и, как только напор воды резко ослаб, колесо, покрутившись минут пять, остановилось. На второй конец оси, который оставался квадратным, он насадил ещё одно колесо, на этот раз сплошное, целиком сбитое из толстенных дубовых досок в два слоя, но диаметром поменьше, всего в двенадцать метров, имевшее подобный вес, что и водяное, для равновесия. От него через деревянную зубчатую передачу прямо на холм шёл по второй эстакаде дубовый вал точно такого же сечения, но длиной в семнадцать метров. С приводящей стороны на него было насажено колесо диаметром в три метра, усеянное, как и большое колесо, точёными дубовыми цилиндрами зубчатой передачи. Их диаметр был двести десять миллиметров. Детали большего диаметра просто не влезали в настольный токарный станок Митяя. В итоге у него получился первичный повышающий редуктор, но к нему прилагался ещё один.

В результате он делал воздуходувную машину почти четыре месяца и извёл-таки на неё все свои гвозди и глухари, но зато деревянный двенадцатилопастной циклон диаметром в десять метров нагнетал воздух с такой силой, что чуть ли не сбивал с ног. Правда, выл он, как скаженный, но Митяя это нисколько не смущало, и за два дня до Нового года он принялся строить из брусьев, досок и кирпича металлургический цех, а в феврале ноль второго года приступил к кладке домны, причём строил её расчётливо и быстро, так как опять заготовил большую часть строительных материалов заранее.

Сначала Митяй сложил мощный фундамент, затем, когда тот схватился, – в цехе он постоянно поддерживал плюсовую температуру, а зима и в этом году выдалась довольно мягкой, – сложил из красного кирпича, со всеми пазухами и отверстиями, тело домны со стенками толщиной в метр двадцать. Её внутренний диаметр он сделал в самом широком месте три с половиной метра, а в высоту она имела двенадцать метров. К ней он пристроил с каждого бока по два контрфорса и по две мощные квадратные колонны, чтобы установить наверху большую загрузочную площадку.

Да, домна отняла у него сил и времени даже больше, чем строительство дома, но дело того стоило, и, хотя у Митяя нашлось не так уж и много материалов по чёрной металлургии, он был полностью уверен, что та даст ему металл в необходимом количестве. Перед домной он выкопал и облицевал кирпичом большую литейную яму, которую засыпал песком и перекрыл толстыми дубовыми досками, отформовал и обжёг множество огнеупоров нужной формы и размеров, изготовил длинные воздуходувные трубки из белой керамики, установив их на деревянных конструкциях так, чтобы к домне можно было спокойно подойти, и уже в начале апреля, после огородов, сложил воедино все детали футеровки, после чего принялся собирать керамический воздушный трубопровод.

В качестве раствора он применял негущуюся глину и футеровку уложил в домне так, что между нею и кирпичным корпусом получился промежуток толщиной в десять сантимет-

ров, заполненный светло-серой глиной. После этого домна целых три месяца сохла, а Митяй изготавливал парафиновые модели, по ним – формы из огнеупоров, проверял их парафином на точность, жёг уголь, дробил кувалдой гематит и известняк и затаскивал шихту в деревянные бункеры под крышей. Всего он приготовил двадцать девять тонн руды, из которой можно было отлить четырнадцать с половиной тонн чугуна. Попутно он сложил факельную мартеновскую печь для переплавки чугуна в сталь, хотя для этого ему пришлось перелопатить кучу гальки, чтобы набрать доломита для футеровки, а затем помучиться, раскальвая доломитовую гальку молотком и зубилом на аккуратные кубики нужного размера. Шестнадцатого июня рано утром он приступил к загрузке шихты в домну, начав с берёзового угля, а через сутки зажёг его, и домна задымила. В нижнюю треть домны, под углом шестьдесят градусов, через трубы из огнеупоров с жутким рёвом било пламя четырёх мощных горелок с воздушным наддувом. Может быть, именно поэтому уже всего через шесть с половиной часов после начала плавки из домны в огнеупорное корыто, стоящее на деревянной тележке, обмазанной глиной, полился раскалённый чуть ли не добела шлак, и Митяй, выждав полчаса, аккуратно пробил лётку. Чугун, или что там у него получилось, быстрой струйкой побежал в ковш, и, когда его налилось ведра два, Митяй заткнул лётку, перекатил деревянную телегу к уже разогретой мартеновской печи, опрокинул ковш рычагом и вылил расплавленный металл в мартеновскую печь. Через пару минут, когда он открыл вентиль, горелка зашумела ещё сильнее и начался продув мартена воздухом. Всего в мартеновскую печь могло поместиться не менее полутора кубов расплавленного металла, но он, как юный металлург, понятия не имел, сколько времени нужно выжигать из чугуна углерод, и решил действовать методом академического тыка. Пока взятый для образца чугун остывал, он метнулся наверх и принялся тачками засыпать шихту в домну. В принципе всё бы ничего, но уже довольно скоро руда у него закончится и домну придётся загазить, правда, за это время он сможет отлить множество заготовок из чугуна и стали в огнеупорные формы, в том числе даже станину для большого токарного станка, к ней ещё несколько деталей, а также до фиغيща слитков чугуна и стали. Всё остальное он как-нибудь выкует и доработает напильниками. Намеревался Митяй отлить себе и кузнечный инструмент, а также три большие наковальни для кузни и детали для кузнечного молота, приводимого в движение водой.

Митяй заранее запланировал, что именно ему нужно отлить в первую очередь, и даже не сомневался, что всё у него получится так, как надо. Спустившись вниз, он взял плоскогубцами небольшой кусок чугуна, положил его на наковаленку и изо всех сил шандарахнул по нему чудильником. Тот раскололся под мощным ударом на части, и Митяй радостно заулыбался. Выходило, что в шихте было очень мало кремния, и у него получился белый, а не серый чугун, а стало быть, следующим заходом он мог смело отлить три большие наковальни, чтобы потом отжечь их и сделать намного прочнее. Да и путём отжига всех остальных чугунных отливок он мог значительно увеличить их прочность, превратив белый чугун в ковкий. Потому он принялся быстро снимать часть досок, чтобы открыть в литейной яме, заполненной сухим песком, окна и устанавливать в них формы. Как же ему сейчас пригодилась бы таль, но без цепей изготовить её было нереально. Поэтому пришлось опрокидывать ковш с чугуном вручную. Судя по тому, что форма, изготовленная из огнеупора и нагретая пламенем горелки, не взорвалась и не раскололась, всё прошло тип-топ, ну разве что придётся срубить зубилом облой, то бишь избыточный выдавленный металл.

Следующие два ковша Митяй слил в мартен, а пятый вылил во вторую форму. Так началась его вахта в литейном цеху, продлившаяся более четырёх суток, во время которой он спал урывками, по три-четыре часа. Потом шихта закончилась, и он, выключив воздуходувную машину, отправился спать основательно, поскольку еле двигался от усталости.

Из последних сил выкупавшись и плотно поев, Митяй рухнул в кровать и проспал больше суток подряд. Проснулся, когда уже начало смеркаться, и потому, немного побродив по дому,

посидел час за компьютером, поужинал и снова завалился спать, чтобы утром чуть свет пойти в металлургический цех. Там было ещё жарко, но он распахнул настежь ворота, все ставни и первым делом принялся разбивать формы с наковальнями. Они у него вышли на славу, почти без облоя. Так же хорошо ему удалось отлить и все остальные заготовки. Первые четыре плавки стали у него получились весьма странными, но чрезвычайно полезными, так как он отлил двести двадцать пятикилограммовых слитков очень мягкой, пластичной стали. Из такой он, пожалуй, сможет даже вытянуть проволоку, а она ему была очень нужна для множества вещей, в том числе для изготовления колючей проволоки. Самой прочной получилась сталь девятой плавки, из неё Митяй очень удачно отлил три десятка длинных свёрл большого диаметра, а поскольку у него имелся заточной станок с пятью алмазными планшайбами, то теперь он сможет сверлить отверстия диаметром до восьмидесяти пяти миллиметров.

Теперь, имея под рукой свою собственную домну, он точно сможет самым коренным образом изменить жизнь множества людей, ведь их мозг практически ничем не отличался от мозга современного человека. Что же, экологу Дмитрию Мельникову было чему их научить, как и лейтенанту Мельникову, уже успевшему покрошить немало народа и потому люто ненавидевшему бессмысленное насилие. Да, с этого дня он уже мог не рвать жилы и малость притормозить, но тем не менее всё же принялся немедленно достраивать рядом с литейкой большую кузницу, а точнее, настоящий механический цех. После того как он установит на валы чугунные втулки и наденет на них медные цилиндры, а также поставит на них новую зубчатую передачу с металлическим зацеплением, его главный механический привод станет работать намного лучше и эффективнее. Железо есть железо, и, хотя на нём одну цивилизацию не построишь, Митяю было очень радостно, что оно имелось у него в достатке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.